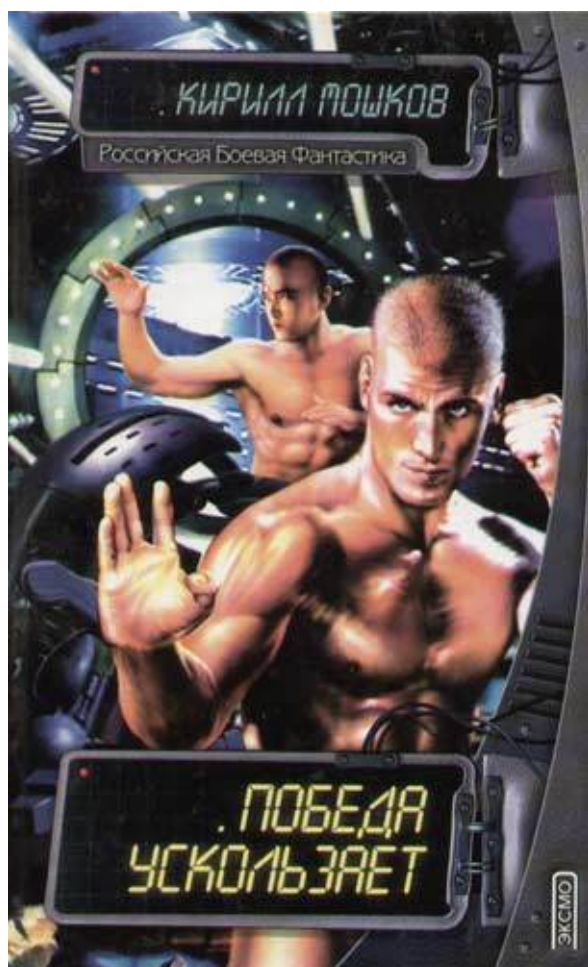

Кирилл Мошков
Победа ускользает
Серия «Тебе, Победа!», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656215
Победа ускользает: Эксмо; М.; 2002
ISBN 5-699-00130-1

Аннотация

Он просто человек – тот, кто много лет назад низринул всемогущего Хозяина. Он не просил возвращать его в будущее. Но высшие чиновники обеих сверхдержав Галактики втянуты в заговор тайной силы, пытающейся овладеть силами угасшего Зла. Уцелевшим прислужникам врага человеческого рода нужен могучий инструмент, и в тайных лабораториях рождается биоклон – новая личность Рыцаря. Ошибка: он не станет марионеткой. В великое противостояние оказывается втянута самая загадочная сила Галактики – легендарный Ужас Космоса...

Содержание

Книга первая	4
Часть первая	4
Часть вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кирилл Мошков

Победа ускользает

посвящается Никите

Книга первая

ОСТАНОВИТЬ И ВЕРНУТЬ

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПСИХОКРАТА

Какая гадость. Похоже на начало среднестатистической рукописи начинающего автора научной фантастики: персонаж пробуждается с похмелья. Давно у меня не было такого отвратительного пробуждения, подумал Джервис. Нет, сформулируем точнее: никогда у меня не было такого мучительного пробуждения. Наверное, такое действительно бывает после очень сильной пьянки, но я опытом такого рода почти не располагаю. Так или иначе, в литературе такие состояния многочисленно, полно и впечатляюще описаны (видимо, у господ литераторов обычно как раз бывает приличный опыт по этой части), так что создавать собственное эпическое описание мерзости в каждой клетке тела и отвратительно гудящей головы нет особой нужды.

Просыпаясь, Джервис уже знал, где он. Не место – время. Точнее, по терминологии физиков-временников, – в каком именно потоке времени он находится.

Девять лет назад перемещение произошло куда легче. Джервис услышал некий звонок. Звонок в голове, если угодно. Услышал, оделся и вышел из дому (он тогда стажировался в Белграде), спустился в лифте, и лифт распахнулся не в обычный балканский солнечный день конца 80-х годов XX века, а в лес. Северный Лес на Белом континенте планеты Новая Голубая Земля. Надо было бежать, и Джервис побежал, а рядом бежали остальные, каждый – вырванный из своего потока времени таким же зовом.

Они бежали, чтобы спуститься на равнину, проникнуть в цитадель Хозяина и встретить там Фродо Таука. Фродо услышал звонок не в другом времени, а прямо здесь, в своей родной Лиане, в шестидесяти милях от Цитадели. Он просто приехал на попутке.

Несколько недель спустя, когда Хозяин пал, а Рыцари расстались, трое из них – Като, Святослав и Робин – вернулись в свои миры. Лестер так же, как и Фродо, был отсюда, он просто отправился домой в Космопорт. А Джервис застрял. Временники предложили ему около сорока вариантов переброски в 1990 год, но ни в одном из предложенных вариантов не было главного опознавательного признака – чтобы на Земле город Белград в Юго-Восточной Европе был столицей государства со сложным названием Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

Джервис остался. Добрейший Ив Монтик вылечил заработанное им нервное истощение, а суховатый полковник Кауст взял на работу в Галактическое Контрольное Отделение, созданное на Земле для систематической борьбы с силами Зла. Поскольку седьмое, и главное, воплощение Хозяина этих сил уничтожил все-таки Джервис, швырнув ему в лицо всевидящий хрустальный шар в день великой битвы в подвалах Лисского телецентра на Телеме, Джервису по закрытому списку дали орден, вне всяких очередей – звание эксперта первого класса, равное полковничьему, должность ведущего специалиста в отделе Кауста и, между

прочим, зарплату в три тысячи долларов в месяц, что для Земли 3923 года было очень прилично.

Джервис проработал в Galaxy Control Division (ДжиСиДи, как все называли эту контору) два с половиной года. Из них год ушел на интереснейшую работу на Эмари Банго. Работа кончилась провалом резидентуры; зато, возвращаясь на Землю, Джервис вывез с собой слугу по имени Ксинатал Халлапкурлихо. Конечно, никакой слуга на Земле ему не был нужен, он и на Эмари держал его только в силу местной традиции, но Джервис не мог оставить Ксинатала на Эмари. После провала резидентуры и яростных толп, осаждавших пылающий Шаранк-Кратофор, Ксинатал – слуга землянина – вряд ли выжил бы там. Вернувшись, Джервис принял участие в поиске нового Князя Тьмы, самозванца, захватившего власть над силами Зла.

И самозванец был найден. Один из троллей-курли, угнетавших в далеком прошлом Эмари Банго, оказывается, уцелел в извечной борьбе бангийцев с некробиотикой своего мира. Хитростью или силой – трудно теперь сказать – он перехватил централизованное управление Злом, не успевшее распасться после падения Хозяина.

Самозванца нашли в побочном, довольно близком потоке. Параллельщики в свое время не предложили этот поток Джервису потому, что он перепутал побочные признаки: вторая мировая война там началась не 14 августа, а 1 сентября 1939 года. Зато главный признак совпадал: Белград все еще был столицей СФРЮ.

Слава Богу, думал Джервис, что Ксинатал был со мной. Его род на Эмари Банго славился умением побеждать троллей-курли в единоборстве. И, когда тролль Хо произнес чудовищное заклинание и Джервис окаменел, Ксинатал вышел из-за его спины, обернулся световым лучом огромной интенсивности и вонзился в черную грудь уродливого карлика. И тот, обратившись в камень, рассыпался грудой высохшего цемента.

Джервис снова стал собой и остался дома – точнее, там, где родился: в Союзе. Дело в том, что междупотоковый канал вывел их вовсе не в Белград, куда он рассчитывал, а в Москву.

Прошло шесть с половиной лет. За это время он эмигрировал из своей страны, из Союза ставшей Федерацией. Поселился в Сиэтле, поменял имя – свое, труднопроизносимое для американцев, на Майк Джервис, то самое, которым он называл себя в будущем. Быстро встал на ноги. Купил квартиру в Нортгейте, работал в самом высоком здании города – башне «Колумбия». встретил Риту, полурусскую-полуитальянку, собирался жениться...

И вот Джервис с трудом разлепил глаза, уже зная, где именно он просыпается. Взглянув на окружающую действительность, он убедился в своей правоте и вполголоса произнес несколько кратких, но энергичных слов на своем родном языке.

Джервис знал, что ЭТОТ Джервис – двойник. Он-настоящий там, в 1997-м, встал, оделся и спустился во двор четырехэтажного «Сойерс Резиденс», чтобы сесть в машину и ехать по делам. Он-двойник здесь, почти две тысячи лет спустя, лежал под тонким одеялом, глядя на изгибы голубовато-серой гладкой стены, и сипло матерился.

– Что-что? – услышал он мужской голос. С усилием он осознал, что голос говорит на линке. Джервис вообще-то рассчитывал больше никогда не слышать этого языка. С трудом, преодолевая тошноту и круги перед глазами, Джервис повернул голову. В кресле рядом с койкой сидел рослый темнокожий мужчина в генеральском мундире Управления Безопасности Конфедерации Человечеств. Просторная комната была заполнена характерной аппаратурой временников-параллельщиков. Таких машин Джервис навиделся тогда, в 23-м, когда параллельщики предлагали ему варианты. Джервис вспомнил особенно смачный вариант: 1990 год, Белград – столица Священной Южной Католической Орды, по главной улице – Святого Ахмеда – в бронированной машине «Суйцзы» едет он, Миха Ервизович, стажер в Генеральном Управлении Ханского Баскака и Церковной Десятины.

Джервис засмеялся, его немедленно замутило, и он с отвращением произнес еще ряд слов по-русски.

– Я не понимаю, – откликнулся седовласый чернокожий на линке.

Джервис прокашлялся.

– Да, извините. Это я на своем языке.

Мужчина кивнул.

– Ну, здравствуйте, мистер Джервис.

– Ну да... Здесь я Майкл Джервис, верно... Здравствуйтесь, господин генерал. Чем это меня накачали? Вот-вот стошнит.

Тот хмыкнул.

– Накачали? Вряд ли. Наверное, естественные токсины. Вы же – биоклон.

– Туда вас... и сюда, за руку и за ногу!.. – Джервис вновь приложился к живительному источнику дивной русской речи. – Токсины, значит... Можно мне хотя бы таблетку ливина?

Седой генерал извлек из кармана трубочку, Джервису в руки прыгнула таблетка. Джервис прижал ее ко лбу, и таблетка тихо зашипела, всасываясь. Хорошая штука ливин. Джервису дома часто приходилось жалеть, что изобретут это средство только через тысячу лет.

Прошло минуты две. Тошнота отступила, круги перед глазами растаяли.

– Полегчало, полковник?

– Почему полковник? Помнится, при отбытии я был экспертом высшего класса Джи-СиДи. Шесть с половиной лет назад.

– Ваших биолет, – поправил генерал. – Сейчас три тысячи девятьсот сорок пятый. Со дня вашего отбытия прошло девятнадцать лет.

– Вашу мамашу, – пробормотал Джервис по-русски.

– Галактический Контрольный отдел был расформирован в 35-м, – продолжал генерал. – Его структуры были переданы в ведение Управления Безопасности, а система званий приведена в соответствие с нашими. Специалисты, пришедшие с флота, сохраняют флотские звания, а гражданские – получают воинские. Так что вы числитесь полковником запаса Управления Безопасности. Впрочем, я думаю, из запаса вы будете переведены на действительную.

– Как это мило, – пробормотал Джервис, откинул одеяло и с трудом сел. – Так значит, я – биоклон. – Он провел рукой по гладко выбритому черепу. – А это почему?

– Побочный эффект, – объяснил генерал. – Отрастут через пару недель.

Джервис встал и сделал три шага в сторону. Удивительно, но он помнил, где по стандартной планировке должно быть зеркало – точнее, зеркальный участок стены.

Да, ребята, поплохел я, подумал Джервис. Конец двадцатого века, Америка, ничего не поделаешь. Дурное питание, бесконечная картошка, гамбургеры, которые неоднократно зарекался есть, и бутылка пива каждый вечер. Отвратительно. Отвратительное брюхо, отвратительно дряблая кожа, на морде – красные пятна там, где в детстве подморозил щеки. Джервис ощерился. Да, отвратительные зубы. Хотя их отбелили. Спасибо, ребята. А вот чинить придется за свои. Тут это дороже, чем в моем времени, но тут и денег у меня побольше, и зубы лучше делают.

– А вместе с волосами нельзя было вот это убрать? – вслух произнес Джервис, прихватив на животе лишний слой жира. – Вообще, генерал, на кой ляд я вам здесь опять – такой? Обрюзгший, неловкий, нетренированный... Я и шесть лет назад был тут как чучело, а уж теперь... Кстати, – продолжал Джервис, не дожидаясь ответа на свои, в общем-то, риторические вопросы, – а как вас зовут?

– Генерал Гонсало Рубалькаба, – усмехнулся тот.

Джервис повернулся к нему, как громом пораженный, и воскликнул:

– Madre de Dios! Gonzalo!

– Si, hombre, soy yo, – ответил генерал, улыбаясь.

Девятнадцать лет назад по здешнему времени ему было тридцать три, был он майором, заочно учился в Академии безопасности человечеств, а общался Джервис с ним тогда почти каждый день, потому что Гонсало координировал от УБ ту тему, которую в своем отделе пас Джервис.

– Вот это номер, – не мог успокоиться Джервис. – Генерал Рубалькаба, это надо же! Ну, и как ты провел эти годы?

– Наверное, неплохо, – ответил Гонсало, вставая. – Как видишь, обогнал тебя в чине. Теперь, если будешь в форме, придется тебе первому отдавать честь.

Джервис хихикнул.

– Ну, а как жена, дети?

Девятнадцать лет назад Гонсало был женат на очаровательной мулатке, и у них были две крохотные девочки-близняшки.

– Господь милостив, – ответил генерал. – Девчонки закончили Каракасский университет, обе работают в Космофлоте, на Земле-Большой. Линда здорова, работает здесь у нас, в Управлении.

– Прекрасно. Слушай, господин генерал, мне бы одеться, а? И объясни, наконец, что вам от меня нужно?

– Терпение, Джервис, терпение, – проговорил Рубалькаба, прижав сенсор у двери. – Доктор Сернэй, пациент пришел в себя. Распорядитесь об осмотре, пожалуйста. – Генерал отпустил сенсор и повернулся. – Форма в шкафу. Одевайся. Тебя осмотрят и выпишут, и мой адъютант привезет тебя к нам в Управление. Там побеседуем. Да, и еще. Прежнее имя тебе использовать нельзя. Придумай новое, лучше прямо сейчас.

– Э, стоп, – запротестовал Джервис. – Раз уж я здесь, то у меня на старое имя счет, недвижимость, гейт в Галанете.

– Не проблема, – пожал плечами генерал. – Недвижимость и счет наверняка под нашим доверительным управлением, ты же передал все свои права GCD, когда прислал рапорт. Переведут на новое имя, это несложно. А гейт, я думаю, аннулирован, но ты можешь под новым именем взять прежний логин и пароль. Вряд ли они с кем-то совпадают. Итак, твое новое имя?

– Ким Волошин, – ответил Джервис. Особенно мудрить не пришлось. Это было его настоящее имя – то, под которым он провел первые два десятка лет своей жизни. От него он избавился в Америке, потому что, в представлении американцев, Ким – имя в первую очередь женское. Фамилию он сменил на придуманное Фродо Тауком прозвище: ему очень не нравилось, что американцы при чтении коверкали ее на разные лады. Здесь же таких проблем не было: на линке «Ким Волошин» звучало довольно близко к оригиналу.

– Русский, значит.

– Так я и на самом деле русский.

– А современный русский ты знаешь?

– Он не слишком сильно отличается от языка моего времени. За настоящего сибирянина не примут, но вполне могу сойти за провинциала с Периферии.

– Итак, Ким Волошин, русский, – проговорил Рубалькаба в микрофон вынутого из нагрудного кармана блокнота. – Год рождения? – спросил он свежееиспеченного Волошина. Тот посчитал, шевеля губами.

– Пусть будет девятьсот шестнадцатый. День рождения оставим – девятое марта.

– Место рождения?

Волошин подумал.

– Славия, материк Лесной Камень, город Новиград.

– Разумно. Далекая федеральная Периферия. Только не забудь почитать что-нибудь по Славии, легенда должна быть стальная.

– Конечно.

– Так... Образование?

– Новиградский историко-архивный институт.

– Разумно. Ты бывал на Славии? Там есть такой?

– Представь себе, это единственное место, где я был не по службе. Три недели в 24-м. Почему мне Славия и пришла в голову. И в этом институте я слушал лекцию о России конца XX века.

– Понравилось?

– Очень. Много неожиданного узнал. Ты же знаешь, что за наука история.

Седой генерал и голый полковник одновременно хмыкнули.

– Так, хорошо... Послужной список тебе сгенерируют, социальный номер – тоже, личный код получишь, ген-код у тебя снимут и впишут... Отлично. Ну что ж, полковник Волошин, документы получите у нас в Управлении. Пока позвольте откланяться.

– Стоп. Пока я с голой задницей и могу говорить с тобой без устава, скажи мне хотя бы, где я?

– На Земле. В Париже. Точнее, в исследовательском центре имени Патрика Бодри в Сен-Уэне.

– Так. Уже хорошо. Ну и... зачем же я вам понадобился?

Седой Гонсало некоторое время смотрел на полноватого, лысого Кима Волошина, потом опустил глаза, тщательно защелкнул и аккуратно убрал блокнот и только потом тихо проговорил:

– Проблемы, Майк. То есть Ким. У нас очень серьезные проблемы. И без тебя мы не сможем даже подступиться к ним.

– Ментальный щит, – утвердительно произнес Волошин.

Гонсало вздохнул.

– Что ж, по крайней мере это честно. – Волошин подошел к шкафу и секунду машинально искал ручку, потом вспомнил, усмехнулся и провел по краю дверцы рукой сверху вниз. Шкаф открылся. – Ладно, Гонсало, то есть господин генерал. Тогда до встречи.

* * *

Кима осматривали, тестировали, брали анализы, держали под биосканером и заставляли приседать. Потом разрешили отбыть. Молодой капитан, дожидавшийся Кима в холле, встал, когда Ким вышел от параллельщиков и врачей. Волошин был в форме УБ, но без знаков различия – просто черный комбинезон, и все. Никаких вещей у Волошина не было, и они с капитаном поднялись на лифте к посадочной площадке, сели в служебный глайдер, и глайдер повез их в штаб-квартиру Управления Безопасности человечеств.

Далеко в стороне проплыл центр Парижа – поросший деревьями и плющом скелет Мемориального Комплекса Башни Мэн-Монпарнас, прозрачная Пирамида имени Миттерана, исполинским колпаком накрывающая район от Лувра до площади Конкор; гигантская голограмма Эйфелевой башни (настоящая, подумал Ким, была, помнится, метров на триста пониже); километровой высоты гора Дефанс... Впереди возник сизый купол семисотметровой высоты – Валь-де-Марн, здание, вобравшее в себя весь одноименный пригород древнего Парижа, резиденция УБ и десятков его дочерних структур. Когда-то здесь находилось и ЖиСиДи, где работал Ким (когда его еще звали Майк).

Приблизившись к зданию, капитан позволил автопилоту глайдера ввести машину во входной терминал: глайдер, вливаясь в поток таких же машин, облетел вокруг вздымаю-

щейся на двести метров над вершиной купола антенны дальней связи и нырнул в сужающуюся воронку терминала.

Из терминального ангара транспортер принес их к центральным лифтам, и скоростной подъемник устремился вниз.

– Теперь я вас отвезу в гостиницу, – сказал молчавший до этого капитан. – Пообедайте. В номере вас ждет пакет со служебными материалами. Ознакомьтесь с ними. Сейчас двенадцать сорок по местному. Пожалуйста, будьте в номере в семнадцать часов. Вас вызовут для беседы.

Волошин кивнул. Лифт открылся, они вышли в до боли знакомый ему холл. Ким повернул голову, чтобы увидеть номер сектора над терминалом рецепции, и вздрогнул: сектор 12–12! Именно в этом секторе гигантской служебной гостиницы Конторы он жил раньше в свои приезды сюда.

В номере все было так же, как раньше, то есть никак. Унылая, словно в каюте военного корабля, койка. Унылый квадратный стол с мощным профессиональным терминалом. Унылые серые пластиковые стены, унылая оконная панель со стереовидом старого Парижа (судя по автомобилям, 30-е годы XX века). Три метра в ширину, три в длину, два с половиной метра в высоту. Чудо.

На койке лежал чемодан, на столе – пакет. Обычный бумажный пакет, заклеенный скотчем.

Ким посмотрел на чемодан, потом – на пакет. В номере дуло, он положил руку на серповидный сенсор интерьерника и уменьшил вентиляцию. Удивительно, подумал Ким, сколько лет я даже не вспоминал о том, что такое интерьерник и как им управлять, а руки делают сами.

Пакет Киму понравился больше. Он вскрыл его. Там лежала тысяча долларов наличными, кредитка на новое имя, пачка документов – идентифик, паспорт и социал-карта Кима Волошина; несколько легальных, совершенно настоящих идентификов самых разных организаций на то же имя (от Фонда развития традиционных культур и информационной редакции телекомпании «Всемирные теленовости» до страховой компании «Аргус» и сетевого обозрения «Утренний Галанет».. Отлично.

Кроме денег и документов, в пакете была только одна бумажка. На ней чьей-то рукой было размашисто написано:

Г-н Волошин,

в чемодане, кроме одежды и оружия, есть блокнот и рид-сенсоры. Прочтите прилагаемые материалы.

Подписи не было.

Ким распахнул чемодан. Там, действительно, была одежда: парадная полковничья форма, два рабочих комбинезона, джинсы, джемпер. На дне лежала кобура с мощным вороненым «штандартом». к рукояти которого был привинчен смартик – устройство для мгновенного выброса оружия в руку. Рядом лежал браслет-регистр, который Ким сразу надел, и блокнот.

Ким достал плоскую книжечку, раскрыл ее и усмехнулся. Помнится, был у меня в XX веке компьютер, хор-рошая такая машина...

Блокнот пискнул и сказал:

– Готов к знакомству.

– Я – Ким, – сообщил блокноту Волошин, повалившись в кресло. – Запомни меня, я – твой хозяин.

– Слушаю и повинуюсь, хозяин! – бодро отчеканил компьютер по-русски. Ким прыснул: машинку готовил к встрече с ним кто-то не без юмора.

Ким вытянул из бокового гнезда длинные тонкие шнуры рид-сенсоров и прилепил их к вискам. Большинство постоянно работающих с компьютерами людей не пользуются рид-сенсорами или подключают их к рукам, ускоряя ввод, но считать большие объемы информации удобнее прямо на мозг, хотя это не очень полезно. Впрочем, все лица той профессии, к которой здесь принадлежал Ким, пользуются этим способом. Есть уникамы, которые за двадцать-тридцать секунд могут считать до десяти мегабайт чистого текста. Большинство читает по мегабайту в минуту. Ну а Ким не был даже большинством, он сознавал, что его мозг, по сравнению с мозгом человека нынешнего времени – реликт каменного века. Ким мог читать пятьдесят-сто килобайт в минуту. Все – быстрее, чем глазами.

Ким закрыл глаза и мысленно позвал компьютер. Тот осторожно спросил:

– Щадящий режим, мягкий съем?

– Да, дружище, – ответил Волошин, и в его голову потекли килобайты.

Он открыл глаза ровно в половине пятого.

Итак, Легин Таук. Капитан первого ранга Легионер Таук, начальник Первого управления УБ. Двадцать девять лет. Далеко пойдет этот парень.

Значит, это и есть проблема, ради которой понадобилось воскрешать тень несокрушимого Майка Джервиса? Гренадер! Супергренадер, поправил себя Ким. Триста девяносто вуалей психосилы. Ментальная мощь, граничащая с неуязвимостью. Подростком побывал в Цитадели (Ким содрогнулся, вспомнив собственный прорыв от мельницы до подножия Аспидного Трона) – побывал и не просто уцелел, но победил. Невероятно удачлив. Эрна, Шагрена, учеба у Буцудзэн. Демоны гаки на Шагрене, красноглазые бесы на Шилемауре, Белый Сфинкс на Тангейзере – Ким про такую нечисть даже не слышал, а этот парень всех их уделал. Заваруха сорокового года – с ее историей Ким познакомился с живейшим любопытством. А этот Легин принимал в ней непосредственное участие вместе со стариками – Реостатом (молодец, Рыжий!), Сатклиффом (Ким порадовался за Стью, доросшего до Генерального программиста) и Лестером (вечный покой и вечная память тебе, старина). Враг рода человеческого оказался-таки хитрее – или просто злобнее? – чем Ким ожидал. Надо же, вся Империя плясала под дудку написанной Хозяином программы (я раньше никогда бы не подумал, отметил Ким, что Нечистый мог что-то понимать в компьютерах!). И кто же все это вскрыл, кто предотвратил войну в Галактике, кто нашел похищенного Пантократора, кто этот герой? Это, ребята, вот этот самый Легин Таук.

И теперь – новый прорыв. «Lightning». Ким помнил, много лет назад он с Фродо Тауком обсуждал такую возможность. Потеряв Единую волю, мировое Зло должно либо медленно самораспасться, либо медленно самоорганизоваться. Фродо предполагал, что при отсутствии значительных изменений в социумах Галактики после падения Хозяина сработает вторая возможность. Так и вышло – правда, быстрее, чем предполагал длинноволосый мечтатель с Новой Голубой.

Конечно, здесь сошлось много условий. Амбициозные миллиардеры, которых не устраивает чрезмерно децентрализованная экономика Конфедерации и ее антитрестовское законодательство. Договорившиеся, вместо того чтобы грызться, планетарные мафиозные кланы. Предоставленная частным компаниям возможность набирать вооруженные охранные подразделения, введенная дурацким указом по подсказке – и при весьма весомой поддержке – тех, кому это выгодно. И, наконец, звериная, титаническая воля к власти нескольких человек, и в первую очередь – отставного контр-адмирала Ямамото Тацуо. Ким ничего раньше не слышал об этом человеке: девятнадцать лет назад он был еще никому не известным капитаном третьего ранга на Эриадорской базе Космофлота. Однако Ким ясно видел, что авторы прочитанной им компиляции сами не очень понимали, что произошло. Они никогда не видели воплощенного Зла, а Ким видел и Хозяина, и Тролля Хо. И теперь все понял сразу, как только прочитал, с какой нечеловеческой легкостью и везением Ямамото обошел

все расставленные ловушки – и учения на далекой Акаи, и массовые аресты в Солнечной Системе, и облаву на Хелауатауа...

Да, теперь этому человеку уже не очень нужна нарийя. Теперь он силен не вооруженными отрядами, подчиняющимися ему – ему теперь неважно, пленены эти вояки или уничтожены, хотя, конечно, ему хотелось бы иметь нечто подобное под рукой. Но силен он теперь силой Зла, которая вошла в него, как только достигла определенной концентрации.

Проще говоря, хотя новый Сатана и невозможен, но у сил Зла опять появилась точка кристаллизации. Пусть новый глава не вездесущ, как поверженный Хозяин, пусть он даже не так силен, как карикатурный Тролль Хо. Но он есть, и теперь не он служит Злу, а Зло – ему.

Впрочем, есть еще один вариант: за ним стоит кто-то еще. Зло в своем чистом, inferнальном виде не существует само по себе. При Хозяине его потоками кто-то управлял, причем управлял вполне технологичными способами... Но с этим вариантом стоит подождать, так как доказательств его правильности почти нет. Хотя, хмыкнул про себя Ким, наименее правдоподобные версии вроде этой часто оказываются самыми верными.

Последнее, что известно о Ямамото – что днем 16-го он стартовал с Хелауатауа на ТГ-торпедоносце в погоне за...

Так, сказал себе Ким, к этой компании я еще вернусь, а теперь пока подумаем о Тауке.

Итак, с парня сняли реплика.

Биоклон, которым имеет честь являться г-н Ким Волошин – это абсолютно точная белковая копия исходного организма. ЕМ, или энергомасса, которой г-н Волошин имел честь являться в прошлое свое появление здесь – это энергетический сгусток, точно копирующий исходный организм. С обычной точки зрения – с точки зрения осязания, зрения, обоняния и т. п. – разницы между биоклоном и ЕМ нет, разница проявляется лишь в способах их создания и в разных свойствах при релятивистских скоростях. А вот реплик – это биоробот, на который проецируется программно копируемая личность исходного организма.

Где-то здесь, в недрах Валь-де-Марна, был построен робот, затем в его мозг вписали личность Таука с некоторыми программными поправками. Важнейшая из них такова: Таук знал о том, что Сардар – реплик, но Сардар этого не знал и был уверен, что он сам и есть Таук. С этим, кажется, ясно.

Реплик в качестве агента засылается в самое сердце нарийи. Он производит там огромное впечатление, потому что, во-первых, у него отлично сработанная легенда, а во-вторых, потому, что он крутой парень и доказал свою полезность. Он становится важной шишкой, сам Ямамото уважает его – по крайней мере, внешне. И вот шура дает нарийе, своему боевому органу, указание провести учения на Акаи. Цель учений – отработка техники захвата планет земного типа. Та стратегия и тактика, которая будет разработана в ходе учений, станет образцом при дальнейшем захвате восемнадцати основных планет Конфедерации – Эриадора, Стагола, Элисиума, Тол Эрессеа, Мундо Нуэво, Чжунго и других. Подточенная экономически усилиями шуры, Конфедерация и в военном отношении склонилась бы к ногам нарийи, затем федеральное правительство либо рухнуло бы само – как это случилось в свое время в ходе Первой Смуты, – либо было бы сметено десантом на Землю, и на месте Конфедерации в Галактике возникла бы новая Единая Земля, только объединяющая уже не семь миллиардов человек, как много веков назад, а почти сорок – империя золота, стали и бесконечного сытого довольства.

Реплик, Сардар, ведет свое воинство к Акаи. А Таук, настоящий Таук, уже находится на орбите этой далекой планеты с несколькими офицерами – правда, в лучших традициях нелепого конфедератского бюрократизма и скудоумия, земное начальство из каких-то сиюминутных соображений дает ему всего четверых гренадеров против двух десантных транспортов с самыми боеспособными, самыми подготовленными, самыми жестокими, беспринципными и кровожадными бойцами нарийи. Ким фыркнул: ничегошеньки не изменилось

в земной бюрократии, даже в прочитанной им компиляции с недоумением и подозрением отмечен тот факт, что Таук сильно гневался, когда ему объясняли, что в силовых структурах Конфедерации введен режим строгой экономии.

И вот появляется Сардар и, вместо того чтобы подорвать собой прибывающее на учения руководство нарийи – начинает спасать своего старого друга, который от нарийи, наивный бедняга, сбежал как раз на Акаи. Ах, как Таук был против подрыва Сардара! Опять-таки с недоумением и подозрением составители компиляции замечают, что Таук приводил странные аргументы – порядочность, воинская честь – странные в деле, где на карту поставлена судьба человечества. Странно, подумал Ким, составители думают, что я буду сочувствовать их аргументации, но почему-то я сочувствую Тауку...

Заметим, что Ямамото, невзирая на утвержденный выше его уровня – руководством шуры – план учений, не полетел ни на какую Акаи, остался на Земле-Большой. Почуял что-то.

Таук же видит, что Сардар пошел вразнос. Личность оригинала вступила в неразрешимое противоречие и с программными поправками, и с подсознанием, которое – хочешь не хочешь – чуяло истинное предназначение Сардара: в нужный момент взорваться и разнести на атомы все руководство нарийи.

А Таук-то, чистая душа, против этого истинного предназначения, о котором даже он, начальник Первого управления, узнал уже после ухода Сардара на Акаи. В тексте компиляции не было прямых указаний, но Ким (по своему прежнему опыту) прекрасно понимал, что, поскольку этого не знал даже руководитель столь высокого уровня, значит – программная установка исходила непосредственно от Начальника УБ и даже выше – от председателя комиссии по безопасности Галактического Совета и от аппарата Президента. А кстати, кто у нас сейчас Президент и Начальник УБ? Ким сел к настольному терминалу и, не выходя в Галанет, вошел под своим новым логином в служебную сеть УБ. Та-ак... Президент Галактического Совета Конфедерации Человечеств доктор Роберт Норман. А ведь я его помню – это тот самый Норман, который много лет назад выступал за автономию Чжунго и оказался прав. Ну что ж, это не самый дурной вариант... Правда, говорят, Норман смолodu был связан с какими-то то ли ультралевыми, то ли ультраправыми, то ли фундаменталистами, то ли еще с кем... нет, не помню... А кто начальник УБ?

– Опа, – пробормотал Ким вслух и закашлялся: последние четыре часа он молчал. Осенью сорок третьего, после избрания Нормана Президентом, 89-летний маршал Лепелье (тот самый, который девятнадцать лет назад, при Киме, уже руководил УБ, будучи еще бригадным генералом) ушел в отставку, и теперь в этой должности трудился... бригадный генерал Отто Кауст! Ким рухнул обратно в кресло. Кауст... Странно. Кауст был девятнадцать лет назад его непосредственным начальником, заместителем начальника GCD. Он же был приличный мужик, хоть я его и недолюбливал, думал Ким. Откуда такие варварские методы – взорвать? Нет, не понимаю. Может, приказ Президента? Так Норман же вроде пацифист?! Был, во всяком случае, пацифистом...

Так вот, Таук был против. Он, видите ли, привык драться с открытым забралом. Что ж, уважаю. Он все делает честно. Подает рапорт о выходе из операции. Его непосредственный начальник – это, кстати, Глумов, девятнадцать лет назад – начальник GCD (значит, Кауст обошел его по службе), теперь – первый зам Кауста – соглашается, но приказывает Тауку хотя бы дезактивировать взбесившегося Сардара. И Таук, взяв флаер, летит ловить ополоумевшего робота.

Все. Дальше начинается черт те что, и тут уж Ким вполне мог понять, почему пять-шесть ветеранов-генералов в панике востребовали тень легендарного Майка Джервиса, то есть его, Кима.

Таук больше не выходит на связь с Акаи. На следующий день аппаратура перестает фиксировать Сардара. Вызвать Таука невозможно, поскольку на орбите уже висят транспорты нарийи и их нельзя спугнуть. Проходят сутки, и сканер одного из разведывательных спутников, развешанных по далеким мертвым орбитам Акаи кораблем гренадеров, фиксирует перемещение двух флаеров от района посадки яхты Сардара до района, где прекратилась фиксация робота. Затем в том районе происходит субъядерный взрыв мощностью почти сто килотонн. Видимо, это взорвался Сардар.

Начинается операция по захвату сил нарийи. Транспорты с бойцами, как и предполагалось, два гренадера уводят за несколько световых лет от Акаи, к месту вечной ссылки. Заменявший Таука офицер вдвоем еще с одним гренадером отчаянно бросается на яхту Сардара: поскольку ее хозяин взорвался не на борту, как планировалось, ее тоже надо брать. Там десантный бот квартиреров нарийи, варварски зачищавших планету перед учениями, там яхта Сардара и еще одна яхта, на которой прибыли члены нарийи. Кроме Ямамото, конечно. Гренадеры берут все три корабля буквально голыми руками. Выясняется, что на борту только мелкие сошки и техперсонал. Все начальство – двенадцать высших руководителей нарийи – полетело требовать отчета от Сардара. Видимо, он все-таки рванул из-за их присутствия, как и планировалось?

Самое интересное начинается ровно через тридцать часов после взрыва. Господин Таук как ни в чем ни бывало, под своими собственными позывными, логином, паролем и т. п. – то есть, несомненно, это именно он – выходит на связь с Глумовым, своим непосредственным начальством, и спокойно сообщает, что похищен с Акаи некоей странной силой и находится в Космопорте Галактика. Проверяют. Да, сигнал идет из Космопорта, и его источник – капитан первого ранга Таук.

За сорок пять часов – от связи до связи – парень пересек Галактику. Восемьдесят тысяч парсек от Акаи до Космопорта. Самым быстрым кораблям фотоактивного привода на такой путь требовались сотни лет, инерционникам – от ста десяти суток. Самый быстрый на сегодняшний день корабль – «Джон Гленн». яхта нового, джамперного типа – может проделать то же самое за семь-восемь суток. В Галактике пока всего тридцать девять подобных кораблей, и 36 из них принадлежат Космофлоту Конфедерации. К моменту этих событий девять кораблей-джамперов стояли в доках Земли-Большой, двадцать шесть – в порту приписки, на Луне, на последнем командующий Космофлотом адмирал флота Монтейру Лобату совершал инспекционную поездку в районе Верхнего Края, в девяти килопарсеках вверх по Оси. Из трех частных джамперов два стояли на стапелях Земли-Большой под отделкой, один транспортировался на частном буксире, не будучи включенным. Таким образом, версия с использованием джампера, шаткая сама по себе, отпадает.

Но Таук пересек Галактику меньше, чем за двое суток. Да, тут пахнет чем-то сверхъестественным.

Проходит еще несколько часов, и Таук присылает в Управление страннейший рапорт, вновь – из Космопорта. Он опять не сообщает, каким именно способом попал в Космопорт с Акаи за считанные часы, но утверждает, что он, во-первых, на контакте – с кем, в Космопорте-то? – во-вторых, с ним один из несчастных с Акаи, бхикку Сакамото, единственный уцелевший монах из монастыря общины Сингон, сожженного бандитами нарийи; и, в-третьих, он – Таук – просит об отставке или хотя бы об отпуске, потому что обязан найти и спасти остальных, похищенных с Акаи одновременно с ним: этого своего приятеля, журналиста Лорда, и двух детей планетолога Мартена, которые якобы тоже сейчас в Космопорте.

Кауст шлет Тауку личное послание на автоответчик регистра. Да, ему предоставят отпуск, но он обязан сначала дать полный и исчерпывающий отчет о том, что же, в конце концов, происходит; и желательно – лично. Если у него нет времени для полета на Землю,

то пусть хотя бы явится в посольство Конфедерации в Космопорте. Похоже, что Таук подозревает в этом ловушку, потому что он не отвечает.

Неизвестно, каким образом ему удастся покинуть Космопорт, не въехав в него легально; во всяком случае, предпринятое земным УБ беспрецедентное массированное сканирование регистрации зон отлета всего Космопорта показывает, что Легионер Таук не покинул его. Зато внезапно обнаруживается, что пятого апреля Космопорт вполне легально покинул Йонас Лорд, а с ним – дети Мартена; регистрация приняла их документы как легальные, но УБ проверяет их реквизиты и выясняет, что, хотя личные номера совпадают с имеющимися в регистре Института планет земного типа, документы эти фальшивые. Разумеется, властям Империи об этом открытии никто не сообщает. Больше того, на следующий день обнаруживается, что по этим студенческим билетам федеральное консульство на Тартаре (Ким вспомнил мрачный Тартар и поежился) только что выдало совершенно легальные земные паспорта. Консула можно понять: Тартар охвачен трехсторонней гражданской войной между имперскими властями, обезумевшим от разрухи и голода населением и бандами «Лайтнинга», которые планету до этой разрухи и довели. В подобной ситуации консул, естественно, стремится спасти как можно больше граждан Конфедерации, очутившихся на этой несчастной планете. Он открыл регистр Института, увидел там указанные в студбилетах номера и фамилии и с чистым сердцем выдал паспорта. Разумеется, консулу не стали сообщать, что студбилеты были фальшивые, так что никакого наказания он не понесет.

Через сутки эта троица – нет, уже четверка, к ним присоединилась встреченная ими на Тартаре сводная сестра Лорда, гражданка Ашдола – обнаруживается на Хелауатауа. Это единственное место, куда им удалось сбежать с Тартара в последний момент перед объявлением там осадного положения. Поскольку Хелауатауа – подопечная территория Конфедерации, у них там поначалу не слишком много проблем. Их документы проверил и зарегистрировал милейший Садриддин Резакули, тот самый, что отправлял Кима, Реостата и всех остальных с Хелауатауа на Телем много лет назад. Будучи весьма преклонных лет от роду, бобо Садриддин не потерял ни остроты разума, ни способности к анализу; он – на взгляд Кима, совершенно справедливо – решил, что никакой опасности для режима Хелауатауа эта компания не представляет, и позволил им отправиться с резервного космодрома, на котором они высадились, в Колонию.

И тут опять – случайно ли? – в дело вмешивается Компания. Хотя, как только с Акаи было получено сообщение о ликвидации большей части руководства нарийи, в Солнечной системе прошли массовые аресты мелкой сошки «Лайтнинга» и других официальных прикрытий нарийи. Несколько весьма заметных функционеров – главным образом, принадлежащих к «Лайтнингу» – сумели сбежать на двух мощных кораблях. Один вступил в бой с ПВО Управления по режиму Хелауатауа и был сбит. Другой же – ТГ-торпедоносец – сумел сесть в районе, где скрывались остатки разгромленных охранных отрядов нарийи.

Ямамото таки уцелел! Хитрый лис, он был как раз на этом корабле! И у него в трюме стоит новенький джампер – тот самый, что числится буксируемым. Точнее, джампер у него *стоял*. Эти четверо – Лорд, его сводная сестрица-астлин и Мартены – умудрились, когда боевики нарийи (случайно ли?) захватили их, каким-то образом угнать джампер и сбежать. Ямамото поднял за ними торпедоносец, но опоздал: прямо с орбиты джампер ушел в гиперскачок. На ТГ-торпедоносце гнаться за джампером бесполезно: даже если идеально точно взять направление, инерционности торпедоносца хватит примерно на десятую часть дальности прыжка джампера. И, пока торпедоносец станет разгоняться для следующего прыжка, джампер уйдет так далеко, что найти его будет невозможно даже теоретически.

Это было 16 апреля. Позавчера. С тех пор об этом джампере сообщений не поступало: видимо, ребята отсиживаются где-нибудь во Внешней Сфере – там, где ни Ямамото, ни нам их не достать.

А Таук, оказывается, тоже покинул Космопорт. Каким образом – неизвестно. Впрочем, для специалиста его уровня это – проблема небольшая. С начальством, опасаясь ловушки, он теперь общается исключительно через «отложенные послания». Первое такое послание приходит с орбиты Тартара, второе – уже 16-го – со станции Толиман. Таук сухо дублирует уже известную информацию о том, что Лорд, его сестра и Мартены захватили джампер, выражает свое сожаление по поводу того, что не может лично явиться к начальству, информирует об уходе Ямамото с Хелауатауа – и опять исчезает. Исчезает, хоть плачь! Дело доходит до того, что УБ конфиденциально обращается к не слишком-то дружественной полиции Станции Толиман с просьбой проверить, не находится ли на Станции некто Легионер Таук. Станционная полиция (древняя, как сама Станция, каста, в которой служат наследственно и пожизненно) после очень тщательной проверки сообщает, что такого человека на Станции нет. А им верить можно. Во-первых, Станция – не Космопорт, ничего не стоит без особого шума, но абсолютно досконально прочесать ее всю. Во-вторых, наследственная полиция Станции во главе с седобородыми старейшинами была бы страшно уязвлена, если бы ей не удалось найти в своем хозяйстве пусть даже заблудившегося муравья. Так что Таука уже действительно нет на Станции. Вот ведь жук! Полиция на всякий случай просеивает все транзитные файлы последних дней и обнаруживает, что вечером 16-го Станцию Толиман покинули двое подходящих по описанию людей: некто Дик Стингер, белый 30-летний подданный Империи, и некто Акутагава Рюноске, желтокожий 17-летний гражданин имперского доминиона Санго. Эти двое, идеально подходящие под портретное описание Легионера Таука и Сакамото Ёсио, вылетели рейсом компании Shrimp & Plaice на Комп.

Вот уж странно, страньше не придумаешь, как сказала бы Алиса! Если Таук – жук, а он таки жук, он должен понимать, что Комп в такой ситуации – ход если не наихудший, то, во всяком случае, далеко не лучший. Почему? А вот почему.

Комп, третья планета системы Толиман I – это самый большой компьютер во Вселенной, волей истории построенный не *на* планете, а *внутри* ничем не примечательной, безжизненной лунообразной планеты. Тысячу лет назад будущий Комп принадлежал Кальеру, быстро растущей и весьма экспансивной цивилизации потомков черноволосых, желтокожих и узкоглазых переселенцев с Корейского полуострова. Как все кальерские планеты (сейчас их пять, но тогда было намного больше), планетка носила порядковый номер – кажется, Кальер VI. Девятьсот лет назад Пантократор Иеремия IV попытался оттяпать планетку у Кальера, так как на ней – вернее, внутри нее – обнаружили исполинские месторождения таких полезных субстанций, как германий, цезий, медь, золото и обыкновенный кремний. Короткая война не дала результата. Более того, многочисленный даже по тем временам гарнизон планетки взбунтовался и отпал от Кальера. Затем лидер повстанцев, генерал Хван, сделал умнейший ход. Разрозненные планетарные компьютерные сети тогда начинали объединяться в Галанет благодаря удешевлению нуль-связи. Генерал, ни с кем особенно не советуясь, пустил в Галанет «бродячее письмо». Это, конечно, предосудительно, как любой спам, но письмо сработало, потому что генерал в нем весьма убедительно обещал откликнувшимся на него специалистам по компьютерному «железу» и программистам всяческие золотые горы. И он дал им золотые горы – замирившись с бывшей метрополией и с Пантократором, срочно распродал огромные оружейные запасы планеты и начал строить для будущих переселенцев города. Десятки тысяч специалистов хлынули на Комп. Самые смелые проекты реализовывались за год-полтора. За компьютерщиками последовали строители: Большой Компьютер стремительно разрастался, занимая своими периферийными устройствами, массивами памяти, энергостанциями и охладителями внутренность планетки. По мере того, как один за другим подключались к архитектуре Компьютера раскаленные почти до тысячи градусов по Цельсию моря жидкого германия – составные части Главного Процессора – невообразимая мощь Машины привлекала на планету все новые волны программистов со

всего Мира. Говорят, что на протяжении тридцати лет больше половины всех компьютерщиков тогдашних человечеств переехало на Комп, а десятки выпусков математических и кибернетических факультетов ведущих университетов Земли, Космопорта и Телема направились на эту безжизненную планету почти поголовно. Заваривший всю эту кашу генерал Хван был избран президентом новообразованного государства – Планеты Комп, потом Хван умер чуть ли не ста двадцати лет от роду – а Комп все продолжал расти. Он растет и сейчас, хотя мощность Большого Компьютера давно достигла «предела Маэды», позволяя теперь в режиме реального времени поддерживать половину услуг нуль-связи в Галактике и три четверти трафика всего Галанета.

Итак, гг. Стингер и Акутагава – то есть, судя по всему, Таук и Сакамото – на Компе. Туда они попали днем семнадцатого, то есть сутки назад. На тот момент, когда Киму готовили компиляцию, проверка только началась – Комп планета независимая, официальное обращение к его спецслужбам занимает некоторое время.

Такова диспозиция.

Следовательно, чего Ким мог ожидать? Что его пошлют вылавливать таинственно скользящего по Галактике г-на Таука. Ясно.

Все ли Киму здесь было ясно?

Посмотрим, подумал Ким. У него было еще минут двадцать, чтобы перекусить. Зверский голод. Еще бы, его же в исследовательском центре только бульоном напоили. Ким толкнулся ногами, откатывая кресло к простенькому, без всяких этих новомодных затей, квадратному лючку Доставки. Нет, ничего тут не изменилось. Выбирать было некогда, Ким ткнул пальцем в первую же строчку – неизвестный кулинарный шутник когда-то определил этот комплексный обед как «закуску командированного». Под этим названием, некогда фольклорным, он теперь и фигурировал в меню. Ким усмехнулся: эта самая «закуска командированного» была первым, что он съел на Земле после первого прилета – тогда, девятнадцать лет назад по местному времени, после события, в архивах фигурировавшего как «Художественная самодеятельность», то есть после низвержения Хозяина.

Лючок со знакомым толчком осветился изнутри, Ким провел по нему рукой, убирая, и извлек заказ. Рыбный салат, пара упитанных тигровых креветок, куриное мясо с картофельным пюре и горка крохотных томатов, ломтик дыни и стакан апельсинового сока. Это и была «Закуска командированного». Что ж, с возвращением в будущее, полковник.

Это навсегда. В прошлый раз Ким – тогда Майк – вернулся. Он был энергомассой, а ее можно возратить в исходную личность.

Но теперь он – биоклон, а биоклон слить с оригиналом нельзя.

Так что – давай, полковник Волошин. Терпи...

* * *

После получения задания Волошину предоставили два дня отпуска. Два дня – потому что за этот срок должен был прийти ответ с Компа и подготовлен личный корабль Кима. Не испытывая никакого желания сидеть эти два дня в унылой гостинице, Волошин попросил разрешения слетать в свой дом в Хаттула, у озера Ванайя в Финляндии. Он страстно любил это место, хотя купил дом когда-то чисто случайно. Там он рассчитывал привести мысли в порядок.

Все сложилось один к одному. Его скар, собственный отличный скар, за который плачено было девять тысяч – жуткие деньги, даже дом стоил только пятнадцать! – оказывается, так и стоял в Валь-де-Марне; только с оперативной стоянки, где Ким его оставил в 26-м, машину год спустя отогнали в отстойник.

Все не так уж и дурно, утешал Ким себя, спускаясь на неторопливом эскалаторе в недра здания. Статус мой высок, как никогда. Полковник могущественного Управления! Спецжакованье – не три тысячи, как полагалось бы по штату, а пять с половиной тысяч в месяц. Свой скар. Свой дом.

Правда, есть еще задание. Найти Таука, вернуть его на Землю, разгрести всю эту ситуацию.

Отделить двадцать мешков бобов от кофейных зерен и познать самого себя.

И – один. Теперь и навсегда. Рита осталась там. С *тем* Майком. Настоящим. Сейчас они, скорее всего, едут по «пятерке» в южном направлении, чтобы выехать на Шестую авеню возле «Королевского кота».

Терпи, полковник Волошин. Терпи.

Скар стоял в самом дальнем углу отстойника, среди какой-то рухляди – поломанных электрокаров, грузовиков с растрескавшимися куполами, раздолбанных ремонтных платформ... Ким стащил с машины тонкий, почти невесомый пластиковый чехол. Скар 24-го года выпуска, да еще и этой модели – «Ситроен Астерикс» – это то же самое, что в конце XX века разъезжать на «Бентли» 60-х годов: пижонская, антикварно дорогая роскошь.

Ким наклонился. «Астерикс» сидел точно на шине подзарядки. Значит, полетит сразу. Он положил руку на опознаватель у пилотской двери. Дверь, чмокнув, открылась, и «Астерикс» Кимовым голосом сказал:

– Приветствую на борту. Давно не виделись.

«авно» самим Кимом, тогда еще Майком, устанавливалось на срок десять дней. Правда, растянулось оно на девятнадцать лет. Но все равно было приятно.

Ким открыл заднюю левую дверь и кинул на сиденье чемодан и купленный вчера форменный космофлотовский рюкзак. В рюкзак была упакована выданная ему одежда (с некоторыми добавлениями, приобретенными во внутреннем универмаге Валь-де-Марна), а в чемодане, помимо блокнота и документов, помещалось оружие – «питон». две коробки патронов к нему, двадцать цилиндров для «скрэчера» и сам «скрэчер» – полученная вчера поздно вечером в арсенале Управления модель «хеллфайер 700». Модель была устаревшая, но что делать – из всего лучевого арсенала Ким умел пользоваться только им и искренне считал, что лучше оружия для ближнего боя в помещении (например – в космическом корабле) просто нет. Все дело в том, что именно «хеллфайером 700» был вооружен девятнадцать лет назад шкипер Роби Кригер по прозвищу Реостат, и именно из этого оружия он сделал тот выстрел в челноке, опускавшемся на поверхность Компа с орбитального причала – выстрел, спасший Киму жизнь.

Конечно, Ким не собирался стрелять в Таука... Пока Ким не заснул (а случилось это уже под утро), а потом – и все утро, он думал над тем, что ему предстояло. К тому моменту, как он влез в скар, он понял, что верит Тауку.

Верил он ему, и все тут. Ким хорошо помнил, как федеральное начальство, вроде бы ужасно прогрессивное, исполненное либеральных ценностей и политической корректности, идиосинкратически реагировало в 23-м на «Художественную самодеятельность» – операцию, которую Ким и компания завершили с блеском и которую вовсе не федеральное начальство начинало! Так что нынешнюю панику, охватившую УБ при необъяснимых перемещениях Таука через всю Галактику за один день, Ким мог если не понять, то хотя бы объяснить.

Но увидеть Таука он хотел. В отличие от начальства – даже от Рубалькабы – Ким понимал, что Таук не играет на руку противнику, не пытается вести своекорыстную игру (например, полавировать между Lightning и властями Конфедерации), и – самое главное – он не стремится к какой-то собственной выгоде... Просто парень столкнулся с тем, что сам считает действительно серьезным. А своему начальству он не верит. Нет, Таук не враг. Ведь он племянник Фродо, для Кима это значило куда больше, чем тысячи других аргументов –

для руководства Конфедерации. Ким просто хотел найти Таука и разобраться. Помочь ему, если надо. Если я в таком случае не выполню данного мне задания (думал Ким) – что ж, никто не просил этих господ вытаскивать меня сюда и всовывать в это дело.

Пока Ким так сам с собой рассуждал, скар уже прошел над севером Франции, над Фландрией, и за полосой немецких земель сверкнуло море. Из еды на борту, конечно, ничего не было. Правда, в бардачке Ким обнаружил невскрытый пакет чипсов, но когда вскрыл – немедленно перелез назад и выбросил в мусорник. Девятнадцать лет – не шутка. Зато эта находка навела Кима на мысль обследовать все закутки машины: пусть по его времени прошло и не девятнадцать лет, за шесть лет с лишним он успел забыть все. В бардачке нашлись солнечные очки, карта центральной Финляндии (Ким любил бумажные карты и часто сверялся не по навигатору, а по ним), пара жетонов на заправку и термобритва. Ким провел рукой по подбородку – брить пока было нечего, вместе с волосами он лишился и своей модной бородки.

Справа от сиденья был еще сейф, настроенный на пальцы Кима. В нем Ким нашел тридцать два доллара и какую-то мелочь. Под задним сиденьем отыскиались его собственные тапки для дальних полетов, пара старых журналов и ручка, которую, помнится, в последний день он как раз долго искал.

В гардеробе висела зимняя куртка – а вдруг в другое полушарие лететь? – и непромокаемый плащ, который, как Ким помнил, полагался по комплектации скара при покупке.

Ким вернулся на сиденье пилота. Впереди, среди первых разрозненных шхер Балтики, белесо светились льдины. Все-таки апрель в этих краях – еще почти зима. Скар деликатно напомнил:

– Внимание! До Турку шестьдесят километров. По требованию наземной навигации меняю коридор на посадочный.

Ким, невидящим взглядом уставившись в монитор навигатора, думал о своем. Если мне здесь придется драться – просто как бойцу – я минуты не выстою. Как боец я здесь никто. Но есть одно «но». Только одно, но ради этого «но» руководство УБ не пожалело бюджетных денег – кстати, немаленьких – чтобы заказать вызов из прошлого тени грозного Майка Джервиса.

Ментальный щит.

В мое время, думал Ким, это никак не ощущалось и не регистрировалось. Даже не знаю, все в мое время были такими же или Тот, Кто провел нас сюда в первый раз, знал, что Ким Волошин и впрямь чем-то отличается от прочих.

Каждый человек этого времени представляет собой некий потенциал психосилы. Условно потенциал этот определяется количеством единиц под названием «вуаль». Сорок вуалей – развитая эмпатия, способности к психотерапии, повышенная психосенситивность. Бывает у одного из тысячи. Сто вуалей – психотерапевт высшего класса, прогнозист, священник-чудотворец, а может быть – «управленец». то есть коллега Кима, с великолепным чутьем и нюхом. Бывает у одного из ста-двухсот тысяч. Есть еще уникамы. Вот Легин Таук, например. В юности у него было триста тридцать вуалей (до трехсот шестидесяти в разряде), а теперь стало столько, сколько было у его учителя, Великого Ямадзуки – триста девяносто, то есть до четырехсот тридцати в разряде. Это исполинская мощь. Гораздо менее мощный Самуэльсен, тот доктор, который вылечил слугу Джервиса, мог повелевать огромными толпами, если было нужно (а нужно было один раз – когда добрые бангийцы решили сжечь доброго доктора на костре). Еще Ким вспомнил Гассана Багира, начальника полиции Лисса на Телеме. С тремястами вуалей Багир контролировал огромный город так, что происшествия серьезнее квартирной кражи случались в многомиллионном мегаполисе пару раз в месяц, а уж если случались – расследование по наводке начальника полиции в большинстве случаев

занимало дня три. Когда Багир умер, численность лисской полиции пришлось увеличить почти вчетверо.

Все эти люди либо были обучены психотехнике, либо владели ею интуитивно.

Ким ей не владел. Больше того, в понятиях нынешнего времени он был практически необучаем. По количеству нервных связей его мозг был на десять процентов слабее любого современного. Поэтому свою психосилу он мог использовать только очень примитивно, очень неуклюже, временами даже очень глупо.

Но она, его глупая, нетренируемая и неуправляемая психосила, составляла в здешнем исчислении пять тысяч вуалей.

А это означало, что в этом мире Ким практически неуязвим.

Ну, то есть с атомной бомбой или массированным лучевым ударом ему, конечно, не совладать. Но вот пулеметная очередь в упор – пожалуйста. Если пулеметчик видит Кима до того, как нажмет спуск, пули не попадают – и все.

Да разве в одних только пулях дело?

Любой человек этого времени (ну, почти любой), который видит Кима, обязательно исполнит любое, абсолютно любое его желание. Например, если Ким говорит про себя, что видящий его на самом деле его не видит – тот на самом деле перестает его видеть. Перестает вообще. И даже если многочисленные приборы будут буквально орать о том, что тут кто-то есть, Кима не увидят – показания приборов просто неверно истолкуют.

– Семь минут до посадки, – долбожил скар.

– Ладно, ребята, – пробормотал Ким по-русски. – Не знаю, смогу ли я сделать то, чего вы от меня ждете. Но что я постараюсь разобраться – это факт.

* * *

Дом Кима совсем не изменился. Правда, в саду прибавилось кустов, деревья стали изрядно выше, живая изгородь разрослась и стала именно такой, как Ким когда-то хотел – густой и непролазной; но дом не изменился. Два этажа, двускатная черепичная крыша. Киберы, которые на время отсутствия хозяина были запрограммированы на еженедельную уборку, свое дело знали туго. Вовсе не их вина, что отсутствие хозяина так затянулось.

Скар опустился, как всегда, на дорожку перед ангаром, и когда Ким вышел и закрыл машину, она сама въехала в послушно раскрывшийся ангар. Ким пошел к дому, чувствуя, как теплеет в груди. Не зря все-таки я тогда выбрал именно это место, подумал Ким. Именно этот пейзаж – леса, холмы, озера, именно этот старомодный дом с темными стенами и стеклянными окнами.

И внутри ничего не изменилось. Ким даже специально открыл неприметную дверцу депо киберов, заглянул туда и сказал семи молчаливым белым черепашкам:

– Молодцы, ребята.

И они бравым хором карикатурных голосков ответили, как положено:

– Рады стараться, хозяин!

Ким собственноручно разжег огонь в камине, активировал блок Доставки и попытался сразу заказать еду, на что Доставка его собственным голосом сварливо откликнулась:

– После активации следует подождать не менее получаса, прежде чем делать заказ.

Ну да-да-да. Ладно. Ким прошелся по дому, разложил в кабинете привезенные вещи и вдруг решил пойти познакомиться с соседями: когда сел – видел, что вокруг появилось много новых домов, а там, где за домом раньше был пустырь, прямо за изгородью теперь виднелась чья-то новая черепичная крыша. Ким вышел с участка, обошел его и направился к воротам нового соседа. Очевидно, Кима заметили – то ли сам хозяин, то ли система наблюдения: калитка лязгнула и открылась, а мужской голос из глубины сада крикнул на линке:

– Здравствуйте, сосед! Заходите, пожалуйста!

Ким обошел покрывающиеся первыми листьями кусты сирени, слыша с другой их стороны приближающиеся шаги, и вдруг уткнулся взглядом кому-то в грудь.

Росту в самом полковнике Волошине было сто восемьдесят сантиметров, для нынешнего времени показатель весьма средний, так что ему нередко приходилось здесь сталкиваться с людьми выше себя. Но этот был какой-то особенный. Подняв голову, точнее – задрав ее, Волошин увидел нечесанную тронутую сединой бороду, спутанные, довольно длинные волосы, голубые пронзительные глазки на физиономии довольно-таки сурового, чтобы не сказать – зверского вида; все это – без всякой там шеи или прочих условностей, присущих менее внушительным фигурам – покоилось на могучих, в два охвата плечах. Киму навстречу протянулась титаническая лапища, заросшая столь же диким волосом, что и голова этого человека-горы, и неожиданно высокий, мягкий, интеллигентный голос негромко произнес:

– Здравствуйте. Рад встрече. Я видел, как ваш скар садился. Будем соседями? Меня зовут Миша.

– Здравствуйте, – по-русски отозвался Волошин, не без опаски пожимая гигантскую руку. – Меня зовут Ким.

– Опаньки! – воскликнул гигант по-русски, правда – с отчетливым акцентом, выдававшим уроженца Телемской Сибири. – Соплеменник, значит? Рад, рад. Пойдемте в дом. Чайку?

– Да что вы, Миша, – начал было Ким, – неудобно, я только заглянул познакомиться... – но голубоглазый исполин уже повлек его в свой дом, приговаривая:

– Ладно-ладно... А мы сейчас и познакомимся...

Короче, через пять минут Ким уже сидел в Мишиной просторной кухне на высоком табурете, перед ним высилась внушительная кружка финского светлого пива и горка всяческих морепродуктов, от креветок до ломтиков соленой рыбы по-телемски (в Кимово время это, впрочем, назвали бы чищенной воблой), а радушный Миша сидел напротив с такой же мощной кружкой, и они весело болтали.

Миша рассказал, что он – профессиональный космонавт, пилот, родом действительно с Телема, с Телемской Сибири, на Землю переехал давно, потому что по квоте обмена учился в Девятке – Девятом командном училище Космофлота имени Джона Гленна – а после выпуска смог и остаться работать в Солнечной системе и даже поменял гражданство. История была довольно сложная, но Ким понял так, что основным Мишиным мотивом была некая барышня из Санкт-Петербурга, последней на Земле русской столицы. Барышня вот уже двадцать лет пребывала Мишиной женой, был у них тринадцатилетний сын, но он сейчас находится в Вене, на втором курсе Политехникума, жена же неделями работает на Земле-Большой, на Титане. Сам Миша только что прошел курсы переподготовки на джампер, получил подзадержавшееся уже, по его мнению, года на четыре звание капитана первого ранга («засиделся в первых помощниках», – самокритично признавал он) и вкушал заслуженный, но, увы, недолгий отдых: максимум послезавтра он ожидал нового назначения.

Ким о себе говорил немного. Рассказал о «своей родине» – Славии, о Новиграде, где якобы вырос и учился, сказал, что теперь он – консультант Фонда развития традиционных культур и специалист по культуре России XVIII–XX веков. Миша, ярый поклонник родной культуры, мечтательно закатил глаза и с гордостью сообщил, что знает наизусть двенадцать песен Высоцкого. Здесь это было настолько же круто, как если бы в конце XX века некий, скажем, русский летчик на память знал бы «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского. После второго наполнения литровых кружек появилась гитара, и они вдвоем совершенно немзыкально, но с огромным энтузиазмом проорали «В заповедных и дремучих...» в полном восторге друг от друга, после чего совершенно логично на столе явилась поллитра, соленые огурцы (как выяснилось, собственноручно растимые и засаливаемые Мишиной супругой) и горячие фаршированные перцы из Доставки. Миша совер-

шенно искренне считал их исконно-посконным древнерусским блюдом, и у Кима не достало духу его разубедить. Миша некоторое время рассказывал Киму, что вообще-то практически не пьет, Ким рассказывал ему о себе то же самое, потом они пели «Спасите наши души», потом смахнули по скупой мужской слезе, потом на стол явилась еще одна поллитра, Миша вскрыл, случайно не уронив, вторую банку огурцов и, долго путаясь в кодах, все заказывал из Доставки что-то «абсолютно фантастическое и совершенно русское». оказавшееся на проверку вполне приличной квашеной капустой, в меру хрусткой, в меру едучей, в меру с маслом. Ким вполголоса полуспел-полупроговорил «Я – Як-истребитель», чего Миша никогда не слышал, причем Ким предварительно объяснил, что это – песня о пилотах; так что, когда он дохрипел ее, Миша уже рыдал в три ручья. Они добились вторую и долго договаривались, что третью не будут. За переговорами доели огурцы, капусту и остывшие перцы. Потом Миша, еще довольно твердо беря аккорды, спел еще что-то, Ким подпевал, но что именно – не запомнил. Потом они было решили пить чай, но почему-то не собрались, а стали опять есть креветки и воблу. Потом Ким смущенно сказал, что почему-то совсем не в форме, на что Миша великодушно ответил, что Ким настоящий русский, держится отлично и что любого телемита, если он не сибирянин, такая доза валит почти насмерть, если они вообще ее осиливают, а худосочные портмены, например, ее и осилить не могут, и что Мише дико повезло с таким соседом, поскольку тут обитают в основном финны, ребята хорошие, но чужие, а он здесь уже семь лет живет и все без компании, хотя что он тут бывает-то, месяца два в году, три от силы. Они с грехом пополам поднялись, и Миша повел Кима домой, но его волосатая лапища больше мешала Киму идти, а не помогала, но Ким, как вежливый гость, ничего говорить ему об этом не стал. Примерно минут через пятнадцать (Миша все показывал прелести своего сада) они добрались до ворот и долго прощались. Как Ким дошел до своего дома – он уже не помнил. Помнил, что упал на крыльце. Потом помнил, что объяснял Доставке, почему не будет сейчас ею пользоваться. Потом случайно нашел аптечку, приложил ко лбу сразу две таблетки алкофага, не смог подняться на второй этаж, рухнул в гостиной на диван, героическим усилием снял штаны, натянул на себя плед и отрубился.

Он проснулся в шесть утра. Голова была абсолютно ясная, чувствовал он себя выспавшимся и отдохнувшим: алкофаг постарался, заодно с алкоголем выведя из крови остатки наведенных клонированием токсинов. Умывшись и позавтракав, Ким вышел на крыльцо и увидел, что с Мишиного участка взлетает скар. Видно, Миша заметил соседа: скар сделал круг над участком, и Ким увидел, как пилот машет ему рукой. Волошин помахал ему в ответ, и скар унесся на юг. Полетел назначение получать, подумал Ким и побрел в дом – посидеть за Галанетом, разобраться, что и как творится в этом мире теперь.

Вечером ему на браслет позвонил Рубалькаба и сказал:

– Ешь бананы.

По странной, уходящей в прошлые века традиции Управления так предупреждали о том, что завтра – вылет на задание. Разговор шел по сверхзащищенному каналу, но Гонсало любил традиции. Впрочем, он тут же продублировал открытым текстом:

– Завтра, в пятнадцать по тихоокеанскому, ты вылетаешь из Третьего калифорнийского челночника рейсом А-24224. Челнок идет на Землю-Большую, ты пересаживаешься на служебный корабль, который будет ждать тебя в закрытом секторе «Гиацинт Фуксия» внутри Красной хорды Титана. Впрочем, все это содержится в инструкции, которую я тебе высылаю.

На терминале у Кима пискнул приход почты, вполголоса мелодично пробил сигнал предупреждения о секретности сообщения.

– Удачи на Телеме, – сказал тем временем Гонсало.

– Почему на Телеме? – удивился Ким.

– Мы час назад получили ответ с Компа, – ответил генерал. – Таук и Сакамото сегодня утром по абсолютному времени покинули Комп и вылетели на Телем.

* * *

Ким помнил, как когда-то его поразили первый полет на Землю-Большую в челноке. Теперь – на удивление – встреча со всем этим через столько лет никакого волнения не вызвала. Просто было приятно, что он снова видит все это.

Земля теперь такая зеленая и уютная только потому, что вся тяжелая индустрия выведена на Землю-Большую. Марс такой прекрасный и обжитой только потому, что Земля-Большая снабжает его водой, кислородом и субъядерным топливом. Все дальние космические рейсы начинаются не с Земли, а с Земли-Большой: между Планетой и космосом сообщение идет только на экологически чистых гравилетах. Так дело обстоит со времен Смуты, конца Единой Земли и создания Конфедерации.

Причем Земля-Большая – это вовсе не индустриальный ад над зеленым патриархальным раем Земли, как можно было бы подумать. Земля-Большая – величайший в Галактике полигон новейших технологий, форпост самой что ни на есть передовой науки и техники. Хотя это – тоже искусственное сооружение, она нисколько не напоминает Космопорт. Это – сооружение дискретное, комплекс из тысяч исполинских Хорд, вращающихся вокруг Солнца в планетарной плоскости по орбитам между поясом астероидов и Юпитером, а также вокруг Юпитера, седлая его спутники, и дальше – невероятно далеко, до самого Сатурна и его спутников: один из крупнейших хордовых «кустов» берет начало у Титана. Земля-Большая – первое место в Галактике, где реализована транспортная система «рапид» – то, что фантасты прошлого звали «нуль-транспортровкой». Реализация рапида на планетах пока слишком сложна и дорога, в Космопорте имперские ученые еще бьются над своим аналогом этой системы, а вот на Земле-Большой уже тридцать лет можно попасть из Хорды в Хорду, даже самую удаленную, практически моментально – войдя в одну кабину и выйдя из другой.

Здесь обкатывается много других супертехнологий. Например, все сотрудники институтов, лабораторий, заводов, верфей, космодромов Земли-Большой на работе носят на голове нечто типа рид-сенсоров или наушников. Это вебберы, терминалы первой в мире компьютерной сети с прямым съемом биотоков мозга – технология, которой понадобилось полторы тысячи лет, чтобы обойти знаменитый Парадокс Рабиновича. Веббер – дорогая штука, на Земле его может себе позволить только высшее федеральное начальство или топ-менеджеры крупнейших корпораций, а здесь ее носит каждый федерал, то есть сотрудник федеральных организаций.

Жить и работать на Земле-Большой, быть федералом, а не землянином – очень престижно. На Хордах трудится не меньше трех миллиардов людей, из них больше трети живут там постоянно. Именно Хорды – основная база земного Космофлота. Именно здесь базируется Флот Синего флага – ударная военная сила Конфедерации. И, кстати, именно здесь находятся основные – помимо расположенных на Земле штабов – структуры Управления Безопасности.

Ким прибыл в закрытый сектор «Гиацинт-Фуксия» – одно из средоточий мощи Синего флага – в час дня по абсолютному. К этому моменту он уже проработал легенду и теперь смотрел в прозрачную броню челнока, мысленно прокручивая детали. Впереди росли слабо освещенные далеким Солнцем серебристые гроздья конструкций Хорды, одной из тысяч Хорд Земли-Большой. Потом купола Хорды закрыли все поле зрения, воздвиглись и разошлись антиметеорные поля, слабо светящиеся в случайных потоках разреженных газов стравления, распахнулась пасть шлюза, и корабль втянулся внутрь сектора.

В сектор вышел уже не полковник УБ Волошин. В сектор вышел миллионер Ким Волошин, преуспевающий медиа-магнат с далекой и мало кому даже в Конфедерации твердо знакомой, но богатой Славии.

Еще бы! Как Киму, полковнику УБ Конфедерации, выполнять свое деликатное задание на Телеме – территории Империи? Конечно, такое прикрытие – эксцентричный богач с далекой федеральной Периферии, путешествующий на арендованном корабле – представлялось наиболее удачным. Естественно, о том, кто таков богач на самом деле, знал только капитан арендованной машины, который в оперативных вопросах должен был подчиняться своему пассажиру.

В холле, залитом ярким светом, неотличимым от солнечного, миллионера Волошина встретили несколько вежливых (преувеличенно вежливых, сказал себе Ким) людей в белых комбинезонах. Трое мужчин (белый, азиат и черный) и две женщины (азиатка и белая) будто сошли с пропагандистских плакатов времен создания Конфедерации. Господа федералы были увешаны всеми своими федеральными цацками: на головах – обручи с вебберами и микрофонами, на груди – смарт-карты с именами (одновременно визитка, пропуск и кредитка), на поясах – блокноты и мощные усилители связи. Они очень старались выразить миллионеру Волошину некоторое уважение – еще бы, он заплатил за аренду корабля, немалые деньги внес в федеральный бюджет – но получалось у них это плоховато: презренный денежный мешок мог их, гордых федералов, кормить и поить, но в систему их федеральных ценностей не вписывался. Правда, багаж миллионера – космофлотовский рюкзак и скромный, но дорогой чемодан – ему помогли вынести из челнока и донести до шлюза. Ему выдали все, что полагалось по договору аренды: личный веббер, мультиком и персональный кей. Потом четверо из пяти господ федералов удалились, а азиатская барышня с такой гордостью, будто это она сама его только что построила, показала Киму в прозрачный участок брони шлюза и сказала:

– Вот ваш красавец.

Ким глянул в шлюз. Ему стоило большого труда сохранить невозмутимое лицо: в освещенном со всех сторон доке висел грушевидный, черный, блестящий, словно вулканическое стекло, новенький с иголочки джампер.

– Это «Вездеход», – сказала сопровождающая. – Серийный номер сорок пять. Неделью назад мы спустили со стапелей пять новых машин этого типа, позавчера завершены ходовые испытания. Наш пилот-испытатель дошел на «Вездеходе» до Трех Сердец во Внешней сфере Ядра Галактики и вернулся через трое суток после старта. Вы будете довольны машиной. Сейчас я познакомлю вас с новым капитаном «Вездехода».

Шлюз открылся, и Ким Волошин ступил на борт джампера.

– Приветствую на борту, – услышал он мягкий, интеллигентный голос и обернулся. Взгляд его уперся в чью-то широченную грудь, затянутую в форменный белый парадный комбинезон Космофлота Конфедерации. Ким поднял глаза, увидел тронутую сединой спутанную бороду, голубые глазки, вислые мрачные брови под сверкающей парадной фуражкой – и едва не расхохотался.

– Капитан Муханов, – невозмутимо продолжал Миша. – К вашим услугам, господин Волошин. Вот мой помощник, лейтенант Ливингстон.

Рост лейтенанта был чуть выше, чем у Кима, было у нее узкое спокойное лицо с голубыми глазами и золотая коса в руку толщиной, а лет ей на вид было двадцать три – двадцать четыре.

– А это бортинженер «Вездехода» мичман Лахти, – продолжал Миша.

Щеголеватый уставной взмах рукой. Мичман была заметно моложе лейтенанта, и тоже блондинка, но не с голубыми глазами, а с серыми. Да-с, на «Вездеходе» (в отличие от господ федералов в шлюзе) с расовым балансом было слабо. Мичман Лахти унесла вещи миллионера Волошина в каюту, на верхний ярус, лейтенант Ливингстон с разрешения капитана вышла в рубку, а провожатая Кима пожелала клиенту счастливого пути и удалилась. Шлюз закрылся, и Волошин остался в холле вдвоем с капитаном первого ранга Мухановым.

– Ну ты и жук, – растроганно проговорил Миша по-русски. – Консультант по истории России, а? Я ведь поверил, представляешь? А я ведь *tozhe zhuk!* – Тут он окончательно переключился на телемско-сибирский диалект. – *Nu, idisuda, palkovnick Voloshin, yetit' tvaYu...* – Миша облапил Кима и хлопнул по спине, едва не вышибив из него дух.

– *Chertofski rad,* – сказал он наконец и выпустил Кима (тому на секунду представилось, как после такого дружеского объятия он осыпается на пол свежесобранной пустой шкуркой). – Чертовски. Первая моя работа на Управление, и сразу с таким классным чуваком. Но – тш-ш-ш! Мои барышни специалистки вроде бы неплохие – я с ними, правда, только один день знаком, но рекомендации у них отличные. Но, как ты понимаешь, про тебя они ничего не знают, кроме официальной легенды. Учти, что раскрыть им тебя я могу только при явных признаках ситуации первого или нулевого уровня, так что сам легенду не ломай. Впрочем, не мне тебя учить.

Он еще раз хлопнул Кима, на этот раз по плечу, едва не выбив ему руку из плечевой сумки, и спросил на линке:

– Желаете присутствовать в рубке при старте, господин Волошин?

– С удовольствием, капитан, – ответил Ким, входя в рубку вслед за ним. – Кстати, капитан, как ваше имя?

За ними в рубку вошла бортинженер.

– Михаил, – ответил Миша, сядя в кресло центрального поста перед монолитной, угольно-черной выпуклой консолью, изогнутой вдоль брони. – Зовите меня Миша.

– В таком случае, для всех вас я – Ким, – объявил Волошин. Демократичный периферийный миллионер – гораздо лучше, чем надутый спесью периферийный индюк, подумал он.

– А я – Марша, – слегка оттаяла лейтенант Ливингстон.

– Хайке, – тоненьким голоском пропела бортинженер.

– Отлично, – заключил Миша. – Так-то оно лучше. Ну что ж, приступаем. Предстартовый прогон. – Он вдел правую руку в такт-сенсор. – Марша, за вами... или мы на «ты»?

Марша улыбнулась, окончательно оттаяв:

– Конечно, на «ты», Миша.

– Замечательно. Марша, за тобой вся навигация и связь. Хайке, за тобой энергетика и жизнеобеспечение. Оборонные системы в резерве за мной. Ким, надень веббер и подключись... ну, скажем, к восьмому каналу, будет интереснее.

Броня вокруг стала прозрачной, Ким увидел стены дока, а через веббер в его мозг пошла трехмерная картинка, дорисовавшая весь объем помещения. Миша же прокашлялся и начал «предстартовую молитву». на джампере неожиданно короткую:

– Корабль, готовность!

– Яхта-джампер «Вездеход» приветствует капитана Муханова, экипаж и пассажира, – басом отозвался корабль.

– «Вездеход», предстартовый тест, – сказал Миша, и все три члена экипажа одновременно сделали что-то на пульте перед собой.

– Тест прошел. Все системы, 100 %, – гордо отрапортовал «Вездеход».

– Молодец, – похвалил его Миша. – Тогда даю стартовое задание. Покинуть «Землю-Большую», выход на подразгонную траекторию в коридор Юг-Верх-Юг, понижение 122 градуса, при выходе на точку готовности к прыжку запросишь направление, если я сам не дам раньше. Понял?

– Понял, капитан, – смиренно произнес корабль. – Стартовую службу?

– Давай.

Мелодично пискнуло. Пожилой женский голос сказал:

– Объединенная стартовая служба Земли-Большой, оператор Мэй.

- Джемпер «Вездеход», капитан Муханов, – ответил Миша. – Путевой лист отдаю вам.
- Подтверждаю получение, – согласилась невидимая Мэй.
- Прошу разрешения на старт.
- Заказанный коридор освобождается через двадцать секунд, – откликнулась Мэй.

Миша торопливо вдел в такт-сенсор и левую руку, девушки опустили ладони в углубления своих участков пульта, Ким поплотнее уселся, положил руки на подлокотник и пробормотал:

- Ну, с Богом.

Миша одобрительно кивнул, и в этот миг оператор Мэй сказала:

- Джемпер «Вездеход», старт разрешен. Счастливого пути.
- Спасибо, – ответил Миша. Ким увидел, как свод дока почти мгновенно распахнулся.

Свет в доке погас, над кораблем в черноте блеснули звезды, и Миша плавным и легким движением вывел джемпер наружу.

Волошин увидел купола Хорды, вдалеке – массивное золотисто-коричневое тело Юпитера, еще несколько хорд Земли-Большой в разных направлениях, и джемпер, набирая скорость, пошел по своей траектории – субъективно вверх; ускорение в пару g ощутимо прижало Кима к креслу, но, впрочем, скоро отпустило. Корабль сообщил:

- Готов к прыжку.
- «Вездеход», режим прыжка на дальнюю дистанцию, – сказал Миша. – Точка входа по команде, точка выхода – северный выходной сектор планеты Телем, системы Толиман-I. Расчет расхода энергии.
- Считаю, – ответил корабль. – Готово. Предполагаемый расход – семь процентов.
- «Вездеход», прими команду на гиперпереход, – сказал Миша. – Делай!

В глазах у Волошина потемнело, а когда он пришел в себя, под кораблем белели выпуклые гряды облаков над гигантским, в горизонт, куполом сине-зеленой планеты с непривычными очертаниями материков.

Это был Телем, Автономная Конфедерация в составе Империи Галактика.

После Земли и Марса Телем – древнейшее из поселений человечества. Первые поселенцы распахали здесь целину более полутора тысяч лет назад. Это потом переселенцы потоками пошли на Ашдол, Эрну, Стагол, Эриадор и Кальер – многочисленные и благодатные планеты системы Толимана. Первым все-таки был Телем.

Ныне население Зеленого Мира, как его принято именовать, составляет четыре с половиной миллиарда человек. Наряду с Землей и Космопортом это – один из важнейших центров галактической цивилизации. Телем не столь уютен и изыскан, как Земля, и не столь богат и комфортен, как Космопорт, но он очень пестр, многообразен и интересен. Здесь интересно и бывать, и работать, и просто жить. Здесь находятся два из десяти лучших университетов Галактики, четверть ресурсов Галактики имеет в адресе домен. tel; здесь расположен Веселый Лес – крупнейший в Галактике центр киноиндустрии, где снимается каждый третий фильм в мире; здесь проходит легендарный ежегодный Фестиваль Музыки Мира, где месяц подряд играют сорок тысяч музыкантов со всей Галактики; здесь живут величайший комик Вселенной Карл Булла и Голос Неба – Агидель Бронски; сюда, как мухи на мед, слетаются хиппи, родстеры и всякие прочие галактические бродяги; здесь – центр Церкви Сущего и Вселенской Православной Ортодоксии, здесь живет Богдо Далай Лама; здесь базируются NTeleм и Berthelsmann, крупнейшие концерны шоу-бизнеса, и тысячи ведущих музыкантов Вселенной. Стать популярным на Телеме означает стать популярным в большей части Галактики. И еще: если крупнейший центр потребления культурных благ – Космопорт, то Телем – крупнейший центр их производства.

Телем – это три материка. В восточном полушарии расположены два: Телемская Тюрингия – к югу от экватора, Телемская Сибирь – к северу. На Тюрингии в быту все еще

сохранился старый немецкий язык; на Сибири из шестисот миллионов населения почти пол-миллиарда говорят по-русски, это – самое крупное в Мире русскоязычное поселение, куда крупнее, чем полтора десятка малонаселенных русских анклавов в Китайской Евразии на Земле. Но, при всей Кимовой симпатии к Сибири, не она и тем более не маленькая субтропическая Тюрингия определяют лицо Телема. Лицо Зеленого мира – его западное полушарие, протянувшийся от одного полярного круга до другого исполинский континент Телемская Тоскалуза.

Площадь Тоскалузы почти равна площади земной Евразии, но на ней нет ни вечной мерзлоты (кроме самых южных и самых северных окраин), ни обширных пустынь, ни безжизненных горных стран, так что населена она довольно плотно. Здесь обитает больше трех миллиардов людей. Столица Тоскалузы – великий и страстно любимый Кимом город Лисс, где живет почти сорок миллионов человек. И это далеко не единственный большой город в Тоскалузе. Ким в прошлые приезды на Телем бывал в Сент-Андресе, том самом, в пригородах которого находится Веселый Лес. Сент-Андрес тянется на триста с лишним километров вдоль восточного побережья Тоскалузы, и население его превышает население столицы почти в полтора раза! А есть еще Грейтер Сидней, Гленн, Леннон – каждый из них не меньше Нью-Йорка тех времен, откуда Ким был родом. По сравнению с этими гигантами, восьмимиллионная Нова-Москва, столица Телемской Сибири, да и крупнейший город Сибири – десятиmillionный Гагаринск кажутся захолустными городишками.

Население Тоскалузы в массе своей говорит на тоскалузском диалекте английского языка. Он не очень похож на английский прежних времен, но овладеть им даже проще. И, естественно, все говорят на линке. Кстати, «базовая теория межъязыкового символьного моделирования» – то, с чего тысячу лет назад началась разработка линка – была придумана именно здесь, на Телеме, в Лисском университете.

– С прибытием! – сказал Миша.

– Вот это машина! – восхитился Волошин. – С Земли-Большой до низкой орбиты Телема за семь минут!

– Лучшая в мире машина! – с гордостью заявила Марша. – Энергонасыщенность на двенадцать процентов больше, чем у первой модели, обсчет навигации идет на семи слоях, а не на пяти, да и СЖО...

– Марша, – укоризненно проронил Миша, и девушка, смутившись, замолчала. Хайке прыснула. Марша смущенно проговорила:

– Просто очень хорошая машина...

Все захохотали. Отсмеявшись, Миша посерьезнел:

– Марша, Хайке, режим. Марша, запроси у диспетчерской службы возможность посадки на Лисском космодроме.

Марша коснулась длинными пальцами нескольких участков консоли и проговорила:

– Здесь яхта-джампер «Вездеход», бортовой номер передаю пакетом, Космофлот Конфедерации Человечеств, приписан к Земле-Большой. Прошу посадки на Лисском космодроме.

– Объединенная диспетчерская орбит Телема, – послышался густой мужской голос на фоне красивого аккорда позывных, и другой, тоже мужской, голос сказал:

– «Вездеход». бортовой номер принят, диспетчер тридцать два-двенадцать. Посадка на Телем временно закрыта. Вынужден просить вас лечь на нейтральную орбиту или временно состыковаться с орбитальным портом. Варианты орбит и стыковок передаю.

– Диспетчерская, варианты приняты, – ответила Марша и перевела взгляд на Мишу. Тот немедленно (и очень выразительно) продемонстрировал удивление на своей суровой физиономии, и Марша тут же спросила: – Какова причина отказа в посадке?

– «Вездеход», временное закрытие посадок применяется ко всем судам и кораблям, не имеющим телемской приписки, – объяснил диспетчер. – Решение о возобновлении посадок будет принято после восемнадцати по абсолютному, когда кончится голосование.

– Голосование? – переспросила Марша.

– Телем сегодня голосует, – несколько удивленно произнес диспетчер. – Разве вы не знаете? Сегодня на Телеме – референдум.

Миша молча хлопнул себя по лбу и быстро закивал. Марша, взглянув на него, сказала:

– Диспетчерская, мы поняли. Варианты рассматриваем.

Миша взглянул на консоль и показал Марше один палец.

– Диспетчерская, принят первый вариант нейтральной орбиты, – озвучила выбор капитана Марша.

– «Вездеход», передаю орбиту под вас, – отозвался диспетчер. – После восемнадцати запрашивайте возможность посадки, если будут вопросы или изменения – вызывайте в любой момент.

Диспетчерская отключилась.

– Вот так так, – сказал Миша. – Доигрались соотечественники. Референдум, значит!

Видимо, непонимание на лице Кима было написано столь явно, что капитан тут же очень официально предложил ему:

– Ким, сейчас четырнадцать десять по абсолютному. Я думаю, будет правильно, если ты пока посмотришь те материалы у себя в каюте.

Ким кивнул и встал.

– Сообщите мне, если будут новости.

Никаких «тех материалов», которые Киму нужно было бы срочно посмотреть в каюте, в природе не существовало, и Миша это знал. Он просто намекнул, чтобы пассажир пошел почитать новости по Телему.

Что ж, Ким понял намек. Устроившись у себя в роскошной, истинно миллионерской каюте – двухметровой ширины кровать, виброкресло, сон-кресло, виртотеатр – и надев веб-бер, он раскрыл блокнот и вышел в Галанет.

Первые триста лет своей истории три государства, ныне составляющие Телемскую конфедерацию – Тюрингия, Сибирь и Тоскалуза – были независимыми. В состав свежеосозданной Империи Галактика они попали после недолгой, но вошедшей в историю своей бессмысленной жестокостью Телемской войны. Положив в этой бойне пятьдесят тысяч собственных солдат и триста сорок тысяч телемитов, второй Пантократор Роберт I не одержал убедительной победы, но, скорее, склонил Телем к капитуляции шантажом, угрожая применить субъядерное оружие. Телем покорился, но Империи он нужен был не просто побежденным, а лояльным. Во всей тройной системе Толимана Пантократору тогда принадлежал только Ашдол, который уже был связан с Империей массой договоров и обязательств, но по ряду причин – в первую очередь из-за крайнего неблагополучия местного человечества, преодолеваемого весьма дорогостоящими усилиями – служить сильной имперской базой он не мог. Такой базой мог быть Телем, но для этого он должен был стать *очень* лояльным.

Телем был «принят под покровительство Галактической короны» как есть, в виде конфедерации трех республик, и Пантократор включил в свой титул слова «Наследственный и пожизненный Президент Автономной Конфедерации Телем». Телем сохранил свою валюту (правда, неконвертируемую вне планеты и даже на самой планете имеющую хождение только наравне с имперской маркой), свою полицию, свой флаг (только в паре с имперским), автономию школ и университетов от имперского Министерства образования и даже свой маленький космофлот, правда, только планетарный, без права включения в него межзвездных кораблей. Империя получила сильную базу, позволившую создать надежный эко-

номический и военный противовес Единой Земле (а позднее – Конфедерации Человечеств). Сотни тысяч телемитов на службе короны стали цветом имперской науки, Звездного флота и даже гвардии Пантократора. Правда, с телемитами было много проблем – они имели весьма вольный нрав и не терпели ущемления своих личных и гражданских прав, но в масштабах Империи это было нестрашно.

Недовольство имперской властью тем не менее существовало на Телеме всегда. Для себя Ким пояснил это так: скажем, в императорской российской армии служило много офицеров-поляков, и хорошо служило, но это не мешало полякам в массе своей ненавидеть власть царя. Так же примерно было и здесь.

Для недовольства имелось много причин.

Во-первых, Телем платил большой имперский налог, на добрых десять процентов больше, чем любая планета прямого правления и даже больше, чем колонии. Во-вторых, хотя на Телеме и была своя полиция, все вопросы государственной безопасности всецело лежали на Службе Безопасности Империи, персонал которой на Зеленом Море был едва ли не более многочисленным, чем местная полиция. И в этом персонале не было ни единого телемита. Ни одного телемита не было и в отборных дивизиях Звездной Пехоты, размещенных в Тоскалузе, Тюрингии и Сибири. А бремя содержания и Управления СБИ по Телему, и Специального Телемского Пехотного Корпуса лежало опять-таки на самом Телеме. Ну и, в-третьих, космический флот. Самая богатая, древняя и утонченная планета Империи имела под своим флагом всего несколько тысяч планетарных кораблей устаревших моделей! Но самым унижительным было все-таки положение в духовной сфере.

СБИ тщательно отслеживала и пресекала «антиимперскую деятельность» во всем, в чем только могла ее заподозрить. Унижительная цензура, скандальные прекращения лекционных курсов в университетах из-за «недопустимо сепаратистского» освещения событий истории, позорные разгоны невинных краеведческих кружков и обществ по изучению телемской культуры... СБИ даже нанимала хакеров для «заваливания» серверов со «слишком телемским» содержанием, пусть даже размещенных вне Империи.

В довершение всего – это почему-то особенно ущемляло гордость телемитов – высшие командные должности и в Звездном флоте, и в Звездной пехоте, и тем более в гвардии могли занимать только имперские дворяне, которых на республиканском Телеме не было и быть не могло. Поэтому за всю тысячелетнюю историю службы в Имперских силах не было ни одного телемита в звании выше капитана первого ранга или полковника. Даже астлинские князья и господари, бывало, становились в Звездной пехоте генералами – это с колониальным-то подданством! Телемиты – никогда.

Таков был фон. Долгие века ничто не менялось ни в лучшую, ни в худшую сторону.

И вот пришел 3940 год, когда в тайных недрах Космопорта Галактика компьютер Хозяина, исподволь подталкивавший Империю к войне с Конфедерацией и все человечества – к окончательной гибели, инспирировал последний акт этой многолетней драмы.

Первого октября от имени Пантократора, к тому моменту уже пятнадцать лет лежавшего в глубоком анабиозе, компьютер издал Указ о введении чрезвычайного положения и «особого режима отношений» с Конфедерацией.

А тридцатого сентября Управление СБИ по Телему завершило расследование так называемого «дела сорока». Дело было шито белыми нитками: были взяты сорок профессоров, аспирантов и студентов Лисского университета, которым инкриминировалось создание «тенденциозного сборника статей». Как на грех, сборник этот был посвящен истории экономических и культурных взаимоотношений Телема и соседнего Стагола, когда-то принадлежавшего Единой Земле, а затем, в числе первых сорока девяти Планет-учредителей, вошедшего в состав Конфедерации. Как на грех, в сборнике было несколько (да что там, довольно много) мест, из которых явствовало, что авторы не одобряют налоговую и культурную поли-

тику Империи на Телеме и, больше того – о ужас! – на примере Стагола доказывают преимущества экономической системы Конфедерации.

Руководство Телемского Управления страшно возбудилось. Еще бы, такая возможность продемонстрировать рвение! Не успел Пантократор издать Указ, как мы уже раскрыли заговор, имевший целью отложить Телем прямо в состав Конфедерации!

Короче говоря, утром второго октября все сорок «заговорщиков» (девять преподавателей, двенадцать аспирантов, девятнадцать студентов – двадцать один мужчина, девятнадцать женщин) были расстреляны во дворе внутренней тюрьмы Управления СБИ, и казнь была продемонстрирована по телевидению с верноподданническими комментариями.

Лисс восстал в тот же день. Вслед за Лиссом поднялись сотни тысяч, миллионы людей в Гленне, Ленноне, Грейтер Сиднее, затем – в Нове-Москве и Гагаринске в Сибири. Поднялись – и откатились: впервые за тысячу лет Специальный корпус показал, что не зря ел хлеб Пантократора. С невиданной жестокостью Корпус за сутки подавил восстание. Там, где восставших поддержала местная полиция, Корпус вступил с ней в бой и практически во всех случаях разгромил.

Погибли почти сорок тысяч человек. Кварталы Лисского и Гленнского университетов пылали. Гленнский сдался через день, все уцелевшие преподаватели, студенты и сотрудники были арестованы. Лисский держался. На пятый день пали все двадцать его корпусов, кроме исполинского четырехсотметрового небоскреба Главного здания. Там в почти полном составе забаррикадировались ректорат, химический, первый медицинский и биологический факультеты – от первокурсников до седовласых профессоров во главе с ректором, академиком Лионзо. В семь вечера перестал откликаться на звонки ближайший к Главному Второй корпус – второй медицинский и агрикультурный факультеты. Из Главного здания было видно, что арестованных студентов и преподавателей выволокли из здания в наручниках и увезли в «воронках». Спецназ стал стягиваться к Главному корпусу, и находящихся внутри предупредили, что на полночь назначен штурм и лучше бы они сдались сами. Тогда Лионзо провел последний ученый совет Университета, в котором, благодаря самой совершенной на Телеме сети внутренней связи, участвовали все находившиеся в здании – любой мог высказаться прямо со своего боевого поста. Так случилось, что мужчин в здании было больше, чем женщин, и поэтому большинство проголосовало за то, чтобы приказать женщинам уйти. Все женщины голосовали против, но их голосов не хватило. Невзирая на мольбы студенток и преподавательниц оставить их и дать умереть рядом с мужчинами, Лионзо отправил их прочь. Сантехники подвалами вывели их на линию метро, откуда они выбрались на поверхность. Некоторые скрытно подобралась к оцепленной территории Университета, чтоб хотя бы увидеть, как все будет на самом деле, и засвидетельствовать это когда-нибудь потом. Тем временем в лабораториях шла подготовка к последнему бою, и, когда бронетранспортеры снесли подъезд здания и в парадный холл ворвались первые спецназовцы, из здания на территорию Университета, заполненную тысячами солдат, хлынули потоки наскоро сваренных отравляющих газов. Противогазы спецназовцев, хорошо защищающие только от слезоточивого газа, не выдержали...

В самом здании уцелело только чуть больше трехсот человек на самых высоких этажах. На территории квартала погибло две тысячи спецназовцев, в здании – почти девятьсот преподавателей и студентов, в том числе и ректор Лионзо.

Утром шестого октября по всем каналам связи Империи выступал Пантократор Роберт XII, только что выведенный из анабиоза и более или менее вошедший в курс дела. Указ от первого октября был отменен. Возвращался статус-кво. Конфедерации были принесены глубочайшие извинения. Особенно Его Величество остановился на телемской ситуации. Он объявил, что арестовывает все руководство телемского управления СБИ и все командование Специального корпуса. Мало того: он и в центральном аппарате Службы Безопасности

Империи, имеющей тысячелетнюю историю, провел определенную чистку и даже поменял ее название – из СБИ сделал ее Министерством Имперской Безопасности, назначив новым министром популярного в народе имперского посла на Кальере (старый начальник СБИ, вместе с Робертом лежавший в анабиозе, не пережил выхода из анабиотической ванны и умер от инфаркта). Пантократор объявил траур по всей Империи и соболезнование родственникам погибших. Он сообщил, наконец, что сам летит на Телем – и прилетел на следующее утро, страшно худой и заросший длиннейшей бородой. Не дождавшись его прилета, застрелились с десятков чиновников, включая вице-президента Телема (то есть фактического наместника Пантократора на Зеленем Мире) и генерал-губернатора Тоскалузы.

Роберт полностью сменил состав СБИ и Корпуса на планете, всех участвовавших в подавлении мятежа офицеров обеих сил разжаловал в рядовые и отправил служить на Периферию, отменил цензуру, разрешил телемитам занимать высшие командные посты в Империи (и сразу назначил новым командиром Корпуса свежепроизведенного телемского генерала), на три процента снизил налоги и ввел «политику открытости и плюрализма мнений». Это, конечно, было немало. Но главный вопрос не был решен. Телем оставался в составе Империи. И если никем, кроме ничтожной горстки диссидентов, этот момент раньше не подвергался серьезному сомнению, то теперь вся планета говорила только об этом.

Прошло пять лет. Пользуясь новым, дырявым как решето, законодательством, телемские фирмы переориентировались на новые рынки. Грабительский вывоз продовольствия в Космопорт в счет налогов был прекращен, зато нашлись новые источники доходов – тот же Стагол, к примеру, обнаружил, что ввозить товары с Телема дешевле, чем доставлять их с Земли-Большой. А политическая рознь продолжалась. После первого приступа либерализма Пантократор очухался и обнаружил, что Телем стремительно уходит из-под его власти. В речах Пантократора, касавшихся Телема, появились раздраженные, а потом и гневные ноты. А тут еще история с Зайнеманом, столь поучительная, что стоит изложить ее подробнее.

Родом из Телемской Тюрингии, Петер Зайнеман вырос на ферме близ уездного города Урвальд. Шестнадцати лет он закончил местное строительное училище и четыре года проработал в Урвальде, в небольшой строительной компании. Потом он вступил в Союз Развития. Это, если можно так выразиться, унионистская партия, проводящая на Телеме интересы Империи. Более верного имперского подданного, чем молодой Зайнеман, было трудно себе представить! Он сделал быструю политическую карьеру: в двадцать пять лет стал секретарем уездной молодежной организации Союза Развития, в тридцать – секретарем урвальдского партийного комитета, в тридцать пять – возглавлял комитет Союза Развития в Тюрингии. Когда Зайнеману исполнилось тридцать семь, тогдашний вице-президент Телема (одновременно – председатель Союза Развития) пригласил его в Лисс градоначальником.

Зайнеман развернулся сразу и широко. В городе грянула кампания по борьбе с коррупцией, и дюжины две крупных муниципальных чиновников с треском сели в тюрьму. Градоначальник железной рукой навел порядок в городском хозяйстве – коммунальных службах, транспорте и городской связи, – навел так, что многомиллионное население Лисса было готово носить его на руках. За двенадцать лет градоначальничества Зайнемана Лисс из замусоренного, задыхающегося в транспортных пробках, опасного и дорогого для жизни мегаполиса превратился в пусть очень большой, но относительно чистый, опрятный и вполне безопасный город. Зайнеман даже умудрился победить уличную преступность, легализовав «гражданские отряды самозащиты» и решительно реформировав городскую полицию. Потом грянул сороковой год.

Зайнеман не встречал в «дело сорока», поскольку в его компетенцию оно не входило. Однако восстание очень даже вторгалось в сферу его компетенции. В первый день градоначальник метался из СБИ в штаб Корпуса, пытаясь остановить кровопролитие. На второй, когда озверевшие, с побелевшими глазами спецназовцы рубили саперными лопатками

демонстрантов на авеню Меррагод, а университетский парк заволакивали дымы, прикрывая строительство баррикад между корпусами, побледневший и заметно поседевший Зайнеман явился в резиденцию генерал-губернатора Тоскалузы и заявил, что если кровопролитие не будет немедленно прекращено и виновные не будут немедленно наказаны, он тут же обесточит и лишит подачи воды все имперские учреждения и прикажет городской полиции стрелять в спецназовцев. Генерал-губернатор посмеялся над Зайнеманом и приказал его арестовать, но тот прямо из приемной по своему мультикому отдал приказы городским электрическим компаниям, водоснабжению и полиции. Большая часть полиции действительно принялась защищать демонстрантов и даже кое-где отбросила спецназ, дав возможность безоружным толпам разбежаться. Подача воды и энергии на объекты Службы и Корпуса действительно прекратилась, и далеко не все они смогли перейти на автономные источники. Зайнеман ждал военно-полевой суд, но тут прилетел Пантократор, принялся наводить порядок, схватился за Зайнемана, как за образец верности имперским ценностям Порядка и Справедливости, и впопыхах назначил его вице-президентом Телема. Президентом, напомним – Наследственным и Пожизненным – был он сам.

Вице-президентство Зайнемана продлилось год. За это время он успел провести в местном Федеральном Собрании новые экономические законы, построить на площади Ризом в Лиссе монумент погибшим в октябрьских событиях (официально это именовалось «беспорядки октября 40-го», присвоить Лисскому университету имя Марка Лионзо и выделить миллиард марок на восстановление зданий и научной базы, а также выплатить родственникам всех погибших – в том числе и родственникам пяти тысяч погибших бойцов Специального Корпуса – по сто тысяч марок, причем не из местного бюджета, а из имперского, воспользовавшись для этого фондом свежесобранного имперского налога. Популярность Зайнемана взлетела до небес. И тут он сделал решающий шаг в своей карьере. В годовщину «беспорядков», в октябре 41-го, он выступил на траурном митинге и объявил, что выходит из «Союза развития» и, как вице-президент, уравнивает СР со всеми остальными общественными организациями, до общества филателистов включительно. Это означало – лишить проимперскую партию, куда из карьерных соображений вступали миллионы людей, всякой бюджетной поддержки.

Через неделю Зайнеман был снят, указ об уравнивании СР в правах во всеми общественными организациями отменен, но дело было сделано: почував, куда и откуда дует ветер, телемиты тысячами побежали из партии. Стало модным публично сжигать партийные карточки, заявляя о своей полной непричастности к кровавым преступлениям Империи на Телеме.

Зайнеман же уцелел. Время было не то, чтобы его посадить (хотя такая возможность, вероятно, не исключалась). Уже в декабре 41-го он предпринял следующий мощный шаг. На Телеме были объявлены выборы в Сенат Империи Галактика, представительный орган при Пантократоре: из трех телемских сенаторов двое (от Тюрингии и Тоскалузы) ушли в отставку по достижении 75-летнего возраста. Зайнеман выдвинул свою кандидатуру – и не от Тюрингии, где, как знаменитый земляк, имел бы преимущество, а от Тоскалузы. Новый вице-президент, Джек Шустер, в панике выдвинул против Зайнемана кандидатуру виднейшего телемского ученого – академика Симеро, но тот свою кандидатуру снял за день до голосования, и Зайнеман стал имперским сенатором от Телемской Тоскалузы при 69 % проголосовавших «за».

Ходили слухи, что, узнав об избрании Петера Зайнемана, Роберт XII топал ногами и всерьез заявлял, что не станет принимать у нового сенатора присягу. Однако принял и даже вежливо подал руку, хотя второго нового сенатора, Обершварца из Тюрингии, только что не целовал.

Обретя сенаторскую неприкосновенность, Зайнеман на первом же заседании Сената внес законопроект об объявлении на Телеме референдума о предоставлении независимости.

Сенат вернул законопроект на годичную – до следующей сессии – доработку.

Зайнеман не унывал, разъезжал по Тоскалузе и вел весьма грамотную и умелую агитацию за независимость.

Слово было сказано: независимость от Империи! Не только сам Пантократор, но и его министры, и сенаторы от метрополии и большинства планет прямого правления впали в неистовство, на всю Империю понося Зайнемана в частности и телемских сепаратистов в целом. Свежепереименованное Министерство Имперской Безопасности, со свойственной своим новациям неуклюжестью, сфабриковало два явно дутых дела, имевших целью доказать, что Зайнеман ведет планету не к независимости, а к вступлению в Конфедерацию. Дела оказались сфабрикованы настолько бездарно, что их не удалось довести даже до суда. Конфуз был очень смачный, особенно потому, что его с удовольствием подхватила и раздула ладно бы только телемская – космопортовская пресса, никогда не упускавшая случая пнуть Службу и быстренько отбежать подальше.

Законопроект Зайнемана в январе сорок третьего был принят. Референдум назначили на апрель сорок пятого, именно на тот самый день, двадцатого апреля, когда Ким прибыл на орбиту Телема...

Прикусив согнутый палец, Ким сидел в своей каюте и ругал себя на чем свет стоит. Ведь он мог бы почитать материалы по Телему, скажем, по дороге на Землю-Большую! Он мог бы въехать на Телем с другой легендой – скажем, просто как турист. А теперь – поздно. Конфедератский миллиардер на арендованном супердорогом джампере прибыл на Телем в день референдума – хуже быть не может! Теперь и впрямь придется сидеть на орбите до конца голосования. Иначе его появление может быть – и неминуемо будет – истолковано как попытка «определенных кругов Конфедерации» (неважно, каких именно, главное – «определенных») воздействовать на ход голосования.

Ким решительно раскрыл свой блокнот, подключил к нему веббер и вошел в телемский Интернет, воспользовавшись тем, что его новый гейт позволял неограниченное подключение к любому локальному провайдеру. Всего нескольких минут хватило ему, чтобы найти сервер Движения за независимость Телема и обнаружить, что на нем, помимо публично доступной зоны, есть еще ресурсы «только для членов». в том числе – канал прямой трансляции из штаб-квартиры Движения. Конечно, Ким не знал пароля, но зато обнаружил на входной странице закрытой зоны ссылку на канал Общалки, принадлежащий сисадмину штаб-квартиры. Что могло быть лучше? Бабочка Общалки светилась зеленым, значит, сисадмин был в сети. Ким вытащил из гнезда в торце своего блокнота тоненькую трубку видеокамеры и направил на свое лицо, потом включил видеоподдержку и вызвал сисадмина.

Тот появился в кадре буквально на секунду, недовольно глянул на незнакомое лицо и буркнул на тоскалузском:

– Sorri, aim dat bisi nau. Letz chat leiter, oki?

– Oki, oki, – отозвался Ким, фиксируя взгляд сисадмина и повторяя про себя: «Спокойно, парень. Я очень свой. Мне можно доверять. Мне можно сказать что угодно. У меня доступ к высшим уровням секретности». – Can ya giv mi da password fo laiv video chennel?

Сисадмин, видимо, даже не понял, что подвергся психоатаке – наверное, и правда был сильно занят: глаза у парня были красные, воспаленные. Он отвел рукой со лба длинные, давно не мытые волосы и простучал что-то у себя на клавиатуре. Блокнот Кима индигировал в служебной зоне видеовывода, что в буфере обмена Общалки появилось сообщение. Взглянув в буфер, Ким убедился, что это и есть пароль – бессмысленный набор из тридцати двух букв и цифр.

– Tankya, baddi, – вежливо сказал Ким и мгновенно вышел из Общалки, чтобы телемский компьютерщик не успел зафиксироваться на том, что получил странный вызов и зачем-то отдал кому-то незнакомому служебный пароль. Все-таки беспечный народ эти телемиты, усмехнулся Ким про себя, вводя пароль при входе на видеоканал. Он вспомнил, как много лет назад вместе с Ени ходил в гости к хакерам, которые бесплатно скачивали с серверов телецентра целые коллекции старинных и новых фильмов – собственно, те ребята тоже выманили пароли у сисадмина телецентра в Общалке, только без использования ментального щита: тот просто вводил пароль, не выключив видеокамеру, прямо у них на глазах.

Трехмерное изображение из штаба внезапно пошло прямо на зрительные нервы Кима, заставив его охнуть от неожиданности. Эффект присутствия был поразительный. Ким увидел, как десятки людей нервно курили, пили кофе, слышал возбужденные голоса, шелест принтеров, шаги. Единственное, чего Ким не мог – повернув голову, изменить угол зрения: камера была неподвижна.

Вдруг все присутствовавшие в штабе, кроме трех-четырех операторов связи за терминалами, поднялись, поворачиваясь в одну и ту же сторону, и мимо Кима – то есть мимо камеры, двумя выпуклыми стеклянными глазами которой Ким смотрел – через помещение, улыбаясь, пожимая руки, похлопывая людей по плечам, прошел высокий, широкоплечий, слегка горбящийся седой мужчина. Ким не сразу понял, что это и есть Зайнеман, а когда понял – подумал, что *этот* обязательно выиграет референдум и станет первым президентом независимого Телема. Такой уж вид был у этого человека.

В двух шагах от Кима, то есть от камеры, Петер Зайнеман остановился.

– Друзья, не унывать! – громко воскликнул он. – Я только что говорил с Маргарет из Избирательной комиссии. Восточное полушарие уже подсчитано, об этом объявят в восемнадцать по абсолютному, то есть в полночь по Лиссу. На Тюрингии – сорок два процента за независимость, сорок четыре – против...

– У-у-у! – гневно и разочарованно загудел весь штаб, но Зайнеман вскинул руку, и все затихли.

– Зато на Сибири – только семнадцать процентов против, семьдесят два процента – «за».

– По полушарию – пятьдесят семь процентов «за», тридцать с половиной – «против», – мгновенно подсчитал какой-то юноша рядом с Зайнеманом.

Штаб зашумел.

– Спокойно, спокойно, ребятки! – поднял руки Зайнеман. – Через час Маргарет обещала мне дать первые прикидки по Тоскалузе – в семь вечера по Лиссу кончат голосовать Восточный берег.

И он, повернувшись, исчез из поля зрения камеры. Все стали шумно рассаживаться. Ким замер: в толпе сотрудников штаба мелькнуло знакомое лицо.

Ему пришлось прождать минут десять, пока девушка, заслонявшая от камеры интересовавшую Кима часть помещения, не отошла в сторонку.

Ким взгляделся.

Да. Кажется, ему повезло.

В глубине помещения, вдоль стены, стоял ряд отдельных столов, за которыми, видимо, находились какие-то важные лица. Несколько столов пустовали, за несколькими сидели, не отрываясь от терминалов, пожилые женщины. А точно посередине за столом, заваленным бумагами, развалился на стуле, с дымящейся чашкой кофе в руке, крупный, с выразительным носатым лицом мужчина лет пятидесяти с седовато-рыжими длинными волосами, забранными в хвост. На нем была черная кожаная куртка и майка с какими-то грозными надписями, и он оживленно, размахивая чашкой, беседовал с какими-то людьми.

Ким смотрел на него стереоглазами камеры и чувствовал, как теплеет в груди. Заодно у Кима рассеялись и кое-какие сомнения по поводу дела независимости Телема – раз уж этот человек принимал в нем такое деятельное участие.

Это был Роби Кригер, по прозвищу Реостат. Человек, плечом к плечу с которым Ким – тогда еще Майк Джервис – сражался против самого Хозяина много лет назад. Значит, после событий сорокового года он вернулся на Телем, на родину. Это замечательно. Ким встретится с ним – может, раскроется, может – станет изображать сына или, скажем, младшего брата Майка, и Реостат выведет Кима на Легина Таука.

В этот момент Реостат встал, поставил чашку и пожал руки поднявшимся собеседникам. Сквозь шум Ким расслышал, как Реостат говорит:

– Идем, я вас провожу до метро.

Его собеседники повернулись, и Ким окаменел.

Лицом к камере стояли двое. Один был очень молодой азиат – лет, наверное, семнадцати – чью сравнительно недавно выбритую голову покрывала черная щетинка. Он был в белых джинсах и синей джинсовой куртке. А рядом с ним стоял невысокий блондин с худым лицом, обросшим коротенькой светлой бородой. На нем была кожаная шнурованная куртка в свисающих ремнях с металлическими пряжками и кожаные брюки – одеяние хайкера, любителя планетарного автостопа. Блондин глянул в камеру острыми темными глазами и отвернулся: Киму на мгновение показалось, что блондин почувствовал его взгляд. Впрочем, если все прочитанное об этом человеке – правда, то в этом не было ничего удивительного.

Блондин повернулся и первым пошел к выходу, вскинув на плечо кожаный рюкзак. Вслед за блондином зашагал азиат, процессию завершал Реостат.

Азиат в джинсовой куртке, безусловно, был монахом Сакамото Ёсио. А блондин в одеянии хайкера – это капитан первого ранга Легионер Таук.

Задача «найти» была выполнена. Правда, оставались задачи «остановить» и «вернуть», но над их реализацией Ким собирался подумать как-нибудь отдельно.

Ким отключился от видеоканала, снял сенсоры и пошел в рубку.

Часть вторая ПОБЕГ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Путь от Вальхаллы до Телема оказался – как, впрочем, и ожидалось – совсем недолг, чуть меньше двух абсолютных суток. Ранним утром двадцать второго Йон после долгих переговоров с телемской диспетчерской посадил корабль в Гринтауне – далеком пригороде Лисса. Сажать джампер на Лисском космодроме ему не разрешили. Ожидался визит Генерального министра Империи, а возможно – и самого Пантократора. Свыше семидесяти пяти процентов населения планеты на референдуме высказались за независимость Телема от Империи Галактика.

Сидя в рубке, весь экипаж «Люся» смотрел по местному телевидению выступление лидера сепаратистов Петера Зайнемана. Йон вывел картинку прямо в толщу брони, и они видели Зайнемана – высокого, сутулого, седого – стоящим буквально в нескольких шагах от них.

– Друзья телемиты, – говорил Зайнеман. – То, что произошло – конечно, победа. Наша общая победа. Победа всего Телема. Но в этот день я в первую очередь хотел бы обратиться к тем нашим согражданам, кто голосовал за сохранение Телема в составе Империи Галактика. Друзья, мне – да что там мне, всем нам – ни в коем случае не хотелось бы, чтобы вы восприняли объявленные сегодня результаты голосования как свое поражение. Нет! Нет и еще раз нет! Те двадцать один процент голосовавших, кто подал свои голоса против выхода из состава Империи, никоим образом не стали чужими тем семидесяти пяти с половиной процентам голосовавших, кто отдал свой голос за независимость, и тем трем с половиной процентам, которые не дали определенного ответа...

Дослушав получасовую речь Зайнемана, Йон повернулся в кресле и обеими руками почесал бритую голову.

– Н-да, ребята, – весело проговорил он. – Очередной яркий сюрприз в нашем захватывающем путешествии приготовил нам веселый Телем. Один великий поэт две тысячи лет назад сказал: завидна участь того, кто видел переломные минуты этого мира. Возрадуемся, о братие! Тут теперь такая каша, что разыскивать Легина и Ёсио будет особенно увлекательно. Но я носом чую, – Йон потерев свой нос, заставив всех прыснуть, – что именно в такой каше, в самой ее середине, должен очутиться Легин. А что это значит?

– Это значит, что вашего друга следует искать где-нибудь поблизости от этого вождя, – хрипло сказала Дойт и прокашлялась: после влажных Тежу и Вальхаллы корабельный воздух казался ей суховатым. Визионное изображение продолжало мелькать в броне, заслоня вид на летное поле крохотного Гринтаунского космодрома и на бесчисленные многоквартирные дома за деревьями хилого парка, отделявшего космодром от города. После речи Зайнемана шла реклама, и Йон приглушил звук; вдруг Ключо вздрогнула и протянула руку:

– Смотрите!

Йон мигом обернулся и прибавил звук. Выпуск новостей продолжался.

– На заседании комитета Движения за независимость, состоявшемся в здании штаба Движения, Петер Зайнеман выступил с предложениями по возможному составу временного правительства переходного периода, которое, согласно статье 194 Конституционного уложения телемской автономии, должно быть сформировано не позже завтрашнего дня, – говорил ведущий. Но не эти слова привлекли внимание экипажа, а изображение.

– Так я и знал! – сказал Йон.

– Это Роби Кригер? – спросила Ирам.

– Ну да, – кивнул Йон.

Реостат с обычным своим победительно-насмешливым видом восседал через три или четыре места от Зайнемана. Это все-таки был Телем, и хотя сам Зайнеман был в костюме и при галстукe, вокруг наблюдалось немало странно одетого люда; так что рядом, например, с тучным лысым джентльменом в стеганом ватнике, накинутом на плечи поверх атласного халата с отворотами (джентльмена представили как будущего министра естественных ресурсов и продовольствия), Реостат в кожанке, майке с какими-то грозными надписями и с серьгой в ухе производил вполне обыденное впечатление. Реостата представили только по фамилии, сообщив, что он будет министром космического флота.

Камера повернулась. Реми и Ключ одновременно воскликнули:

– Ёсио!

Действительно, среди толпившихся вдоль стен в штабе Движения отчетливо был виден Ёсио.

– Ну, теперь мы точно знаем, куда нам нужно, – уверенно сказал Йон.

В новостях пошел другой сюжет, и Йон, выключив телевидение, пробормотал:

– А вдруг Легин отзовется?

И набрал с пульта номер регистра Легина.

«НОМЕР НЕДОСТУПЕН», отозвалась система.

Йон попробовал еще раз с тем же результатом и запросил подробности.

«ЗАКРЫТЫЙ СЕРВЕР НЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ДОСТУП К НОМЕРУ», объяснила система.

– Тьфу ты, – вздохнул Йон. – Еще одна пакость. Что бы это значило, интересно?

Конечно, никто из экипажа ответить ему на этот вопрос не мог.

– Кто хочет в город? – спросил Йон. – Ясно, мог бы и не спрашивать, все хотят. Значит, надо нам нанять минивэн.

– Это что? – спросила Ключ.

– Наземная машина. Только побольше, чем автомобиль. Нас для автомобиля многовато.

– А почему не скар? – спросила Ирам.

– Это же Телем, – сказал Йон. – Тут законы такие. Чтобы водить скар – нужны специальные права, а у меня их нет. Может, у тебя есть?

– Нет, – спокойно ответила Ирам. – Только автомобильные.

– Ты водишь автомобиль? – удивился Реми.

– Ну, ты же водишь глайдер, – улыбнулась Ирам.

– Сравнила, – засмеялся Реми. – Какие же права нужны на глайдер?

– Реми, не говори ерунды! – Ключ возмутилась наивностью брата. – Если б у нас на Акаи было сто миллионов глайдеров, неужели не понадобились бы права?

Реми, секунду подумав, кивнул:

– Точно. Это я чушь спорю. А у тебя, Йон, есть права?

– А как же. Дойт, есть?

– У меня же нет вообще никаких документов, – напомнила Дойт. – Я вожу машину, и права у меня были, но у меня их отобрали вместе со всеми вещами на Вальхалле.

– Ну, двое с правами – уже хорошо, – резюмировал Йон.

– Стоп, – сказала Дойт. – А как же я выйду в город без документов? А Эвис? Как мы пройдем паспортный контроль?

Йон почесал в бритом затылке.

– Да, это надо решить сейчас. На самом деле тут очень мягкие требования. Легин рассказывал, что его дядька как-то въехал на Телем, имея из документов только использованную гостиничную карту из Космопорта. Но нам надо... э-э... и паспорта у нас такие разномастные... Вот что, господа, давайте-ка я всем нам сейчас сделаю корабельные удостоверения. Все честь по чести – должность по судовой роли, имя, гражданство.

Развернувшись в кресле, Йон выдвинул из пульта клавиатуру и углубился в библиотеку корабельной документации.

Эвис встал, подошел вплотную к броне и замер, глядя на пригород. Далеко за плоскими крышами песочно-желтых и грязновато-белых дешевых муниципальных жилых кварталов Гринтауна высилось, полускрытое утренним туманом, что-то гигантское – как гора, но только, словно лес, состоящее из отдельных стволов. Подальше виднелась еще одна громада, даже более высокая, еле различимая сквозь дымку, но грозная своим величием.

– Что это? Горы? – спросил Эвис, не оборачиваясь.

Дойт встала рядом с ним, ее рука скользнула под его локоть.

– Нет, это дома. Небоскребы, гигантские здания. Мы сейчас к югу от города, значит вон те, что поближе – это Кула, остров на реке Лисс, а те, подальше – Вабампа. У нас дома были путеводители по Лиссу, я в детстве их разглядывала, но сама тут так ни разу и не побывала. Зато я в Космопорте была. Ой, а это что – второе солнце?

В разрывах облаков отчетливо блеснул Толиман II.

– Да, это Ясный Глаз, – ответил Эвис. – Как его здесь зовут, не знаю. Есть и Красная, третья сестра Взора и Ясного Глаза, но когда Взор и Ясный на небе, ее видно очень редко.

– У моей планеты только одно солнце, – сказала Дойт. – Оно называется Соль. Здесь такое синее небо... А у нас светлое, голубое.

– Ты жила в большом городе? – спросил Эвис.

– Кирнау большой город, очень большой, три миллиона населения, но я жила в пригороде. Два часа езды до университета. У нас был дом... тот самый, который взорвали. Маленький двухэтажный домик. Наверху две спальни, внизу кухня и гостиная. А в каком доме жил ты?

Эвис помедлил.

– Ну, родился-то я в городе, в отцовском доме. Отец мой, почтенный Пеннега, работает на *резервном космодроме Космофлота Конфедерации* (эти линковские слова Эвис говорил не без гордости). Это от города час ходьбы. У него в городе дом деревянный, под черепичной крышей, в два этажа. Наверху, как и в твоём доме, спальни, но числом поболее: было нас у отца двое, я и сестра моя Имич – вот и две комнатки, в третьей матушка наша гостей устраивала, если кто приедет. Это, считай, пол-этажа. А с другой стороны – спальня родителей: комната большая, больше нашей *кают-компании*. (Эвис говорил на своем языке, что было заметно только тогда, когда он, подчеркнуто артикулируя, выговаривал те слова линка, которых в его языке не было). На первом этаже гостевая, это куда всякого гостя вводят, потом кладовые, а с другой стороны – трапезная, а из нее – ход в кухню, кухню у нас строят под отдельной крышей. Дом этот еще мой прадед построил, почтенный Равамис. А как мне восемнадцать стукнуло, пришла пора мне в войско идти: я ведь городского податного второго сословия, у нас, кто здоров – четыре года должен в войске отслужить. И вот после службы я еще почти год в переслужках, все думал – будет мне в гвардии место. Видишь ли, очень мне не хотелось, как все: отслужил, женился сразу, работать пошел или свое дело завел... Уж очень, понимаешь, привык, что я – особенный: отец на *космодроме* работает. Хотя что там у нас за *космодром* – *бетонное* поле да *резервуары*, а все ж таки, пока мальчишкой к отцу бегал, целый двадцать один корабль *космический* вблизи видел, батя-то меня всегда предупреждал, когда корабль ожидается. Так уж я думал, думал, каково там, на мирах... Видно, судьба и вправду своих выделяет, как наш Клови учитель говорил. Видишь, так меня в дальние миры и утатило, и вот уж я пол-*Галактики* пролетел.

– Ты, наверное, первый хелианин в космосе.

– Второй. Первым был король Авалас Алеума XI, лет сто назад. Летал он на Землю встречаться с Президентом, но ничего не видел, слепой был потому что.

Дойт прыснула:

– Совсем слепой?

Эвис улыбнулся.

– Нет, не совсем. В духовном смысле, – так Клови учитель говорил. Слетал этот король на самую Землю, вернулся и ничего для потомства не записал. Только и сказал мудрецу Клауми, который принца-наследника обучал: мол, особенно ему понравилось, как на Земле зубы лечат, зубы ему там залечили. Уж больно зубы у него плохи были – сладкого много кушал.

Дойт захохотала.

– Не люблю я его, – признал Эвис, – на самой ведь Земле побывал – и ни строчки!

– А ты напишешь? – спросила Дойт.

– Обязательно, – серьезно сказал Эвис. – Пишу я не очень быстро, не случилось привыкнуть, но напишу. Даже если не вернусь – передам.

– Как? – не поняла Дойт. – Хелиане ведь пишут от руки?

Эвис смутился.

– Я, может, и неправильно понял, но высокоученый писатель Йонас говорил, что можно написанное... *со-ска-ни-ро-вать*? – а потом по *Галанету* передать на наш *космодром, резиденту* мастеру Богусяку, а он на *принтере* напечатает и бате моему отдаст.

– Верно, – кивнула Дойт. – Ты зря так все время смущаешься, твои представления очень правильные. Кстати, – вдруг заинтересовалась она, – ты знаешь точный статус всех, кто путешествовал с тобой по Хелауатауа, Йон – писатель, Реми и Клю – стрелки, Ирам – колдунья...

– Это очень неточно, – покачал головой Эвис. – Им была хорошо подобрана наша местная одежда. Йон – не просто писатель, он – высокоученый писатель (ведь он закончил университет), но он проявил себя и как воин, так что вернее всего именовать его «храбрый высокоученый писатель». Реми – храбрый стрелок, так же следует именовать и Клю, потому что у них общая жизнь, но Реми показал себя великим воином, когда сбил вражий *флаер*. Поэтому его следует именовать «неустрасимый стрелок». Ирам... – Эвис задумался, – ее лицо у наших, хелианских, астлинов изображено на нагрудном знаке. Она говорит – совпадение, но таких совпадений не бывает. И она владеет Бирва Анэмхмат, я сам видел, как она взглядом отвела пять арбалетных стрел. Поэтому Ирам – Небесная душа астлинского племени, и именовать ее следует «великая госпожа». хотя она по присущей ей скромности этого не одобряет.

– А как ты определишь меня?

Эвис улыбнулся.

– Это сложнее, потому что я тебя не видел в нашей одежде. Но изволь, могу определить. Итак, ты окончила университет, больше того – имеешь звание магистра. Наука твоя посвящена иным мирам... В своем мире ты пережила потерю – как ты это называешь? – *статуса*... но это неважно, потому что ты ведь по-прежнему магистр, не так ли? И ты странствовала. Пожалуй, тебя следует именовать «высокоученая странница».

Дойт повторила:

– Высокоученая странница... А как мне именовать тебя?

– С мной все просто, – сказал Эвис. – Я по-прежнему воин, переслужик, о написании книги только мечтаю. Я – заслуженный воин. Все зовут меня так: храбрый воин.

– Я поняла, храбрый воин. – Дойт слегка поклонилась.

– Тебе позволено звать меня по имени всегда, – тихо сказал Эвис. – Даже по малому, или сокращенному.

– Как это?

– Эве.

Дойт почувствовала, что это – почти предел и она должна чем-то ответить.

– Все и так зовут меня сокращенным именем, – прошептала она, вновь взяв Эвиса под руку. – Но ты, ты зови меня – когда мы вдвоем – так, как меня звала моя мама.

– Как же?

– Доттинья.

Дойт почувствовала, что еще секунда – и Эвис обнял бы ее, если бы сзади за консолью не щелкали клавишами Йон. Тем более что в рубку вошла выходившая куда-то Клю и уселась возле Йона, глядя в монитор ему через плечо. Дойт испугалась, что Эвис сейчас вообще отойдет от нее, но он не отошел – только с улыбкой посмотрел на нее сверху вниз (он был на голову выше ее) и положил ладонь поверх ее кисти, лежавшей на его руке.

– Храбрый воин, – слышался сзади голос Йона. – Иди сюда, мне нужно тебя сфотографировать.

Эвис еще раз улыбнулся Дойт и отошел.

– Садись за пульт, – продолжал Йон. – Да, на свое место. Повернись ко мне. Вот так.

Йон поднял трубку цифровой камеры, навел на Эвиса и опустил.

– Теперь Дойт, – взглянул он на девушку. – Ничего, что на карточке ты будешь без волос?

Дойт засмеялась.

– Ты знаешь, мне это даже нравится. Скажи, а почему у Реми и Клю голова тоже острижена?

– А это побочный эффект того, что нас перенесло с Акаи в Космопорт за один день, – объяснил Йон, наводя на нее камеру. – Когда я, Реми и Клю очнулись, головы у нас были неровно, грубо и криво острижены. Пришлось потом добривать. Все, спасибо. Клю, садись, я сниму тебя. Дойт, не позвала бы ты остальных сфотографироваться? Так... Клю, а ты пока сними меня.

Пока Йон изготавливал корабельные удостоверения, пока заказывал микроавтобус, подтверждал в транспортной полиции через местные сети водительские права – свои и Ирам, пока просматривал кое-какие здешние законы и правила – прошло больше часа. Еще полчаса ушло на то, чтобы выяснить, как снаружи блокировать вход в корабль. Решили уж заодно и перекусить на борту с тем, чтобы до обеденного времени, то есть часов до семи по местному, не искать в городе ресторан. За рационами в морозильник ходил Реми: Клю и Ирам боялись, хотя тело злосчастного Уолли было сброшено в межзвездное пространство еще на подходе к Вальхалле. Пока ели, Ирам обсуждала с Йоном, что нужно купить на Телеме (как-то само собой получилось, что она в экипаже стала выполнять не только роль инженера систем жизнеобеспечения, но и менеджера по снабжению).

– Ты только подумай, – говорила она капитану. – Если идти на Акаи – это семь-восемь суток пути, а у нас на борту только два типа рациона: курица с картошкой и говядина с овощами. Мы же взоем! Правда, ты и так уже потратился: на Хелауатауа, на Вальхалле, здесь минивэн взял, за наземное обслуживание заплатил... У тебя есть еще деньги?

– Есть, – успокоил ее Йон. – Сравнительно с тем, что у меня на счету, я как раз не так уж и много потратил. Кстати, насчет денег: у меня осталось золото и серебро с Хелауатауа, и хорошо бы его здесь продать, чтоб не лежало мертвым грузом. Но, наверное, это не сегодня: не хочется ездить по городу с мешком золота. Нет, храбрый воин, твои – это твои, я имею в виду мой мешок, то, что я у Богусяка поменял. Твои пусть у тебя и будут, держи их здесь, на борту, а если понадобятся местные деньги – я дам.

– Так нельзя, – нахмурился Эвис, – как это – ты дашь? Я же не заработал. Я и те-то не заработал, я ведь до Колонии вас так и не довел.

– Чушь какая! – фыркнул Йон. – Ты – член экипажа «Лося». Нам надо заключать письменный договор или хватит устного?

– Хватит устного, – сказал Эвис. – И не сердись на меня, я военный человек и мне нужна определенность.

Йон секунду помолчал, потом сделал примиряющий жест, подсмотренный им на Хелаутауа – дотронулся до своего лба ребром ладони:

– Извини, я не подумал об этом. Хорошо. Я принимаю тебя на службу в качестве офицера безопасности яхты-джампера «Лось». Жалованье твоё составит... сколько там в Звездном флоте в среднем для офицера? – ну, скажем, сорок марок в сутки, то есть сто двадцать долларов. Сроком на год. Сколько это будет в год, Реми?

– Сорок три тысячи восемьсот долларов, – отозвался Реми, жевавший банан. – Или четырнадцать тысяч шестьсот марок. Куча денег, Эвис, соглашайся.

Клю и Дойт прыснули, Ирам улыбнулась. Эвис понял, что над его серьёзностью подшучивают, и не стал обижаться.

– Ну вот, – улыбаясь, сказал Йон и сбросил в лючок мусоропровода пустые тарелки. – За первый месяц я тебе авансом и выплачу – сколько там? – нет, Реми, погоди, я сам посчитаю... ну погоди же... тысячу сто шестьдесят шесть марок.

– И шестьдесят семь пенсов, – ехидно добавил Реми. – Бухгалтер! Эвис, он хотел шестьдесят семь пенсов зажать.

Эвис смущенно засмеялся, встал с бананом в руке и коротко поклонился Йону.

– Я принимаю твои условия, капитан Йон. Теперь я у тебя на службе.

Сев, он откусил сразу полбанана: купленные на Вальхалле изогнутые желтые плоды очень ему нравились.

Йон задумался, допивая кофе.

– А вообще хорошо было бы еще денег раздобыть, – заметил он наконец. – Опубликовать, что ли, чего?

– Хочешь выкупить у нарийи джампер? – подколола его Клю.

– Обойдутся! Он по закону и так мой, у них же он не был зарегистрирован, а зарегистрировал его я на свое имя, так что он теперь по всем законам мой и приписан к планете Акаи. А что мы его угнали, то что-то я не склонен уважать права собственности компании «Лайтнинг». Будем рассматривать «Лось» как трофей. Нет, по поводу денег у меня другие мысли. Когда мы разберемся во всех событиях, встретимся с Легином и Ёсио, когда все вообще как-то стабилизируется – я хочу вернуться на Акаи, а нам там придется восстанавливать станцию «Северо-Запад» и еще много чего делать. Моих нынешних денег хватит, но хотелось бы, чтобы был какой-то резерв.

– Ты хочешь на Акаи навсегда? – осторожно спросила Клю.

Йон засмеялся.

– Ты только подумай. У нас ведь джампер. Что помешает, если нам захочется, слетать на Землю и в Космопорт – и вернуться назад через пару недель?

Клю и Реми переглянулись. Реми повернулся к Ирам.

– Я хочу с вами, – просто сказала Ирам. – У вас там работы на всю жизнь хватит. Я же микробиолог.

Реми залился счастливой улыбкой.

– А как же твои родители?

– Я с ними поговорю.

– Может, мы на Ашдол еще и сами заглянем, – сказал Йон. – Я тоже хочу отца повидать.

Переведя глаза на Эвиса, Йон добавил:

– Не вижу причин, почему не заглянуть и на Хелаутауа.

– Я бы повидался с родителями и дал им денег, – объяснил Эвис всем, глядя при этом на Дойт. – Но я не собираюсь там оставаться. Я хочу с вами. Но вот Дойт?

– Если вы меня возьмете, я полечу на вашу Акаи, – сказала Дойт. – Я, правда, не знаю, чем я смогу там быть полезна, я ведь ксенопсихолог. Но я в детстве была скаутом Его Величества и умею делать все, что потребуется. На Тежу мне все равно хода нет...

Йон кивнул:

– Отлично.

За всеми разговорами и делами не заметили, как настал день: в Лиссе было одиннадцать утра (по абсолютному, правда, было всего пять часов, но вчера специально легли рано, приняв антилаг, скрадывающий шок от перемены часовых поясов). Со служебной проходной космодрома сообщили, что заказанный микроавтобус прибыл. Все засобирались.

Реми поехал в своей хелианской одежде, уж очень она ему пришлась по душе. Разумеется, статусные поясные ножи, арбалет и ваган пришлось оставить на корабле. Ключ, во время перелета носившая подаренные Йоном джинсы, надела вальхаллский рокк – короткую, выше колена, юбочку характерной красно-синей расцветки. Дома, на Акаи, она иногда носила юбки, но длинные; надев же в примерочной магазина в Берглунде эту юбочку, она решила так в ней и остаться и сразу же начала ловить на себе мужские взгляды. Впрочем, главным аргументом за рокк был взгляд Йона. Сверху Ключ надела потрепанную маленькую косуху, которую ей Йон подарил в Космопорте. Даже Реми, глянув на сестру, сделал вывод:

– Телем сдохнет.

Надевать с косухой туфли или с юбкой кроссовки было странно, поэтому Ключ надела вальхаллские клоппы – сандалии с деревянной подошвой – прямо на босу ногу: в Лиссе было начало лета.

Эвису особенно выбирать было не из чего, он пошел в обычной своей одежде, не надевая, конечно, кольчуги, оружия и шлема. Так же не из чего было выбирать и Дойт: она пошла в том, во что ее одела Ирам (собственно, длинная пестрая юбка и черная футболка как раз и принадлежали Ирам, только коротенькая красная безрукавка-распашонка была куплена Ключ на Вальхалле). Сложнее было с обувью, но оказалось, что ступни у Дойт некрупные и ей вполне годятся кроссовки Ключ. Ирам же надела джинсы, трикотажный джемпер и хелианскую объемную рубашку, скрывавшую ее чрезмерно плотную, как она считала, фигуру. Реми на эти ее замечания только фыркнул: он скептически относился к самоуничижительным иллюзиям своей подруги.

Они вышли из корабля в одиннадцать двадцать по местному времени. Йон с минуту повозился, настраивая входной люк на отпечатки пальцев всех шестерых, и они отправились через поле к служебной проходной. Далеко позади на поле готовился к взлету большой транспортник, и навстречу, с проходной, длинной вереницей шли темнокожие, улыбочивые члены его экипажа в характерной белой форме корпорации «ЗодиаКарго».

На проходной ими занялись два иммиграционных чиновника и полицейский офицер в телемской форме (она очень похожа на космопортовскую, только не серого, а зеленого цвета). Как Йон и ожидал, их новеньких удостоверений было вполне достаточно для въезда на Телем, однако полицейского (в отличие от чиновников) удостоверения вовсе не интересовали – его интересовало, не ввозят ли гости с планеты Акаи (кстати, ребята, где это?) на Телем каких-нибудь недозволенных предметов или веществ. После довольно продолжительного разбирательства решили жевательные листья «патар», которые торчали из нагрудного кармана у Эвиса, считать не содержащими наркотиков (после того, как оба чиновника и полицейский их попробовали, одобрили приятную свежесть во рту и согласились, что от листьев «не тащит»). Кроме того, всесторонне исследовали имперскую лицензию на ношение оружия, выданную в Космопорте на имя Йонаса Лорда, и сочли ее действительной, а имеющийся у вышеназванного Лорда семизарядный «александр» в кобуре под мышкой – подпадающим под ее действие. Приезжие заплатили за трехмесячные визы по десять марок с носа, забрали у дежурного ключи от арендованной машины – и вышли в вестибюль.

Тут же Йон подошел к банкомату, подозвав весь экипаж. Сунув в аппарат свою кредитку, он обналичил местной валютой тысячу двести марок и каждому раздал по двести – на всякий случай. Купили тут же в киоске карту города, жевательную резинку, несколько бутылок воды и одноразовых телефонов – и вышли в город, на широкую площадку перед проходной.

– А вот и наша тачка, – объявил Йон.

Ирам обошла вокруг длинного красного микроавтобуса и присвистнула:

– Вот это тарантас. Ну, братик, у тебя губа не дура.

Йон засмеялся, открыл дверцу и запрыгнул на водительское сиденье.

– Да, ребята, это классная штуковина. Смотрите, тут есть мап-навигатор.

– А что это? – Ключ перегнулась через Йона.

– Мап-навигатор? – Йон погладил Ключ по стриженному затылку. – Это вместо карты города. Смотри, масштаб уменьшается, увеличивается... Все время видишь, где ты едешь.

Все расселись по мягким сиденьям. Дойт объявила:

– У нас в Кирнау почти такие же ходят от конечных станций метро в пригороды.

– Я сяду впереди. – Ключ, мелькнув голыми ногами, забралась на переднее правое сиденье.

Реми устроился у дверцы салона, на боковом кресле; Эвис и Дойт сели сзади, а Ирам – напротив Реми, позади Йона. Йон обернулся, весело всех оглядел и сказал:

– Ну, ребята, держитесь. Я уже два, нет, три года ничего не водил! А я – БЕШЕНЫЙ водитель! Ключ, пристегнись. Вот так, вот так, как я.

Мотор мягко взревел, и красный микроавтобус с места рванулся через площадку перед проходной, огибая ряд припаркованных машин.

– O-la-la, – только и сказал Реми, с трудом удержавшийся на своем сиденье.

Машина пронеслась по обсаженной деревьями аллее и выехала на широченный хайвэй. Ключ даже зажмурилась от вида сотен машин, в четыре ряда несшихся в одном с ними направлении. Хайвэй поднялся на уровень третьих-четвертых этажей белых и песочных зданий пригорода, слева обнаружились встречные четыре полосы за высоким бетонным ограждением. Йон еще прибавил скорость, встраиваясь в крайний левый ряд, и издал какой-то индейский клич.

– Хорошо водишь, – с удовольствием сказала Ирам.

Реми, сидевший к ней лицом, вдруг вытянул руку:

– Ирам, гляди! Ребята, поглядите! Ключ, видишь?

Все повернулись в том направлении, куда он указывал: там, над уходящими назад крышами Гринтауна, близящейся горой вставали небоскребы острова Кула.

– Мы туда поедem? – спросила Ключ.

– Мимо проедem, по мосту, – ответил Йон. – Там с моста красивый вид.

– А в Вабампу не попадем? – подала голос Дойт.

– Пока незачем, – отозвался Йон. – Мы едем в центр, на авеню Ризом, там штаб Зайнемана. Кстати, там такой район – много хороших магазинов. Надо будет всем одежды прикупить, особенно Дойт. Ай-яй-яй, поворот на мост Вашелл закрыт. Как же я попаду в центр?

Поток машин на хайвэе медленно тормозил, повинуюсь энергичным взмахам жезлов трех зелено-черных дорожных полицейских. Йон торопливо открыл окно и, поравнявшись с одним из регулировщиков, крикнул по-тоскалузски:

– Offiser, haw cud ai get tu da Center? Mai map navigaitor cannot shou divershen rout.

– Tru Sanderson strit, Lincoln bulevard tu Avenue Migeeni and den tru embankment! – прокричал сорванным голосом сквозь шум и гудки краснолицый полицейский.

– Tankya, sir! – гаркнул Йон и нажал на газ, одновременно отсекая шум оконным стеклом. – Длинный объезд получается, но ничего.

Короче, в центр они попали только через полтора часа, но это оказалось и к лучшему: получилась неплохая экскурсия. Все вдоволь насмотрелись на бесконечные одинаковые проспекты Саутсайда, по которым пробирались к набережным, на заречные парки Лаккерстоун-Хиллс, над которыми высился холм с белой громадой вице-президентского дворца, на исполинские небоскребы Кулы, потом – на гигантский, пересекающий оба рукава реки мост Ливингстон, над которым, в неимоверной выси, еще один мост вел к дальним небоскребам Вабампы. Потом долго ехали по бесконечной, похожей сначала на Бродвей, а потом – на бульвар Сен-Жермен улице, авеню Ризом, отделяющей утонченный, утопающий в зелени скверов Старый Лисс от шумного, богемного, многоэтажного Центра. Ключ даже начала возмущаться, что Ризом все продолжается, на каждом светофоре приходится стоять, а они все никак не доберутся до центра. Только Ирам и Дойт, выросшие в больших городах, сохраняли спокойствие. Эвис время от времени просто закрывал глаза, переполняясь впечатлениями, а Реми вертелся, как ошпаренный, пытаясь одновременно разглядывать машины, прохожих, витрины и крыши домов.

Наконец, впереди на тротуарах зачернели толпы народа: это шел митинг сторонников Зайнемана вокруг штаб-квартиры Движения за независимость. Тут Йон наконец свернул на более узкую улицу под названием Конкорью и велел Ирам смотреть налево, а Дойт направо – искать паркинг, можно не очень дешевый. Девушки принялись выкрикивать:

– Три марки в час! Ой, занято... Пять марок в час! Нет, все занято...

Кварталах в пяти от Ризом Йон еще раз свернул, и тут Ирам крикнула:

– Налево! Две восемьдесят в час, есть свободные!

Йон свернул в паркинг, остановился и сказал:

– Ну, все наружу. Идите на улицу, я сейчас расплачусь.

Снизу, из паркинга, выбежал темнокожий менеджер, взял у Йона ключи от машины и отдал номерок. Номерок Йон тут же передал Эвису, как самому положительному по сути и, кроме того, офицеру безопасности по должности.

Йон опасался, что спутники его растеряются на улицах, но все было хорошо: Ирам держала за руку Реми, а ведь Ирам выросла в Бертонии, крупнейшем городе Ашдола. Дойт держала за руку Эвиса, а она тоже была из большого города. Наконец, Ключ вел за руку сам Йон. В виде общей инструкции Йон сказал только:

– Ни на что не обращайтесь внимания, улыбайтесь, радуйтесь жизни. Это – Лисс. Кто-нибудь бывал в Лиссе?

– Я, один раз, десять дней, – бодро доложила Ирам. – Мне тогда было девять лет.

– Отлично! – воскликнул Йон. – В таком случае все смотрят на меня.

В первом же переулке им навстречу валила целая ватага белозубых латинос, которые, как по команде, уставились на Ключ, шедшую впереди с Йоном, и тут же сочли необходимым выразить свое восхищение ее кавалеру, то есть Йону, яростно щелкая пальцами и жизнерадостно восклицая:

– He, hombre! Que dura muchacha!

Йон только захохотал.

Свернули на Конкорью. Там было несравнимо больше народа, и все такие странно одетые – да кое-кто даже и почти раздетые – что Йон и компания тут же потерялись на общем фоне. И неудивительно: Конкорью в Лиссе – все равно что Бобур в Париже или Хэйт-Эшбери в Сан-Франциско былых времен. Это признанный центр межпланетной тусовки. Здесь можно встретить и родстера-пионера с какой-нибудь имперской планеты, и хиппи-ветерана с Земли, и панка-прикольщика из Космопорта, непризнанного гения-саксофониста со Стагола, а также фокусников, мимов, фолкников, монахов, экзотистов, артиков, рэперов, фантомистов, байкеров, хайкеров, продавцов презервативов, мелких пушеров, детективов в штатском, папарацци, светских тусовщиков, карманников и кого угодно еще, и все это –

на пространстве едва ли в милю длиной. Быстро идти по тротуарам Конкорью невозможно: они шли медленно, кому-то улыбаясь, кого-то толкая, заглядываясь на витрины прелюбопытнейших магазинчиков и вывески знаменитых на всю Галактику музыкальных клубов (вроде легендарного «Атавистик Шато»). Реми поймал в своем кармане чью-то руку и резко сжал ее. Над ухом невнятно застонали. К Реми тут же рванулся мордovorот, прикрывавший «щипача», но тут обернулся Йон, а увидев его лицо – выдвинулся Эвис, и мордovorот со стонущим карманником замерли, развернулись и растворились в толпе.

– Все города похожи, – засмеялся Эвис. – У нас в городе на рынке примерно так же.

Наконец они выбрались на авеню Ризом. Тусовщиков и здесь было не меньше, а возможно, и больше, чем на Конкорью, но их густо разбавляла более цивилизованная публика, в основном – решительного вида мужчины и женщины с повязками Движения за независимость на рукавах. Впереди, у штаба Зайнемана, шел митинг. Небольшая площадь перед десятиэтажным белым параллелепипедом была сплошь забита народом, и пробиться к центральному входу было совершенно невозможно. Там реяли черно-бело-зеленые знамена, и десятки тысяч людей одобрительно хлопали какому-то оратору, в завершение своей речи приветственно размахивавшему сцепленными над головой руками. Над площадью разнесся чей-то тысячекратно усиленный голос:

– Слово имеет сенатор от Телемской Сибири Бурбон Иванов! В этот решающий час он с нами, рядом с нашим Петером!

Толпа заревела, а с трибуны, образованной двумя грузовиками, какой-то бородач заорал страшным басом, перегружая системы звукоусиления:

– Из бескрайних степных просторов Сибири принес я горячий сибирский привет героическому Лиссу! Как один, сибиряне встают на защиту нашей независимости, и мы никому не позволим...

Йон тем временем, обняв Клю за плечи и ведя ее перед собой, проталкивался в толпе вдоль ее дальнего края, у самых стен древней Технической библиотеки, к левому крылу штаба Зайнемана – Йон углядел, что там было свободное пространство, огражденное черными шлемами местной полиции, и решил, что там должен находиться служебный вход в здание. Остальные быстро протискивались за ним. Всего за какие-нибудь четверть часа они пробрались к служебному подъезду. Здесь уходил в глубь квартала, в сторону Конкорью – точнее, под нее, в подземную развязку Нижнего Юруса – узкий переулок. Пробираясь за спинами митингующих между цепочкой полицейских и обильно наставленными машинами, которым не хватило места в подземных гаражах штаба, вся компания постепенно подобралась к подъезду – никто их не останавливал; похоже, полицейским в цепи никакого дела до них не было.

Метрах в двадцати от подъезда Йон приостановился, поджидая Эвиса и Дойт, огибавших длинный белый лимузин. Реми и Ирам уже стояли рядом. Йон вытягивал шею, глядя на служебный подъезд: из подземного гаража выехали и встали у крыльца несколько машин, явно ожидая кого-то; начали выходить из здания какие-то люди, трое или четверо крепких ребят в штатском цепко смотрели сверху, еще трое быстро сбежали к машинам, профессионально четко просматривая маршрут.

Время вдруг будто бы потекло медленнее, столько событий стало происходить почти одновременно.

Из переулочка выехала и мягко остановилась в нескольких метрах от экипажа «Лося» длиннющая золотисто-желтая машина – настоящий «роллс-ройс». Одновременно открылись задние дверцы справа и слева. Слева выбрался огромного роста ражий мужчина с бородой и диким взглядом, справа вышел полноватый, налысо бритый тип в дорогом черном костюме, черных очках и с тростью.

Йон забеспокоился, рукой отводя Ключ назад, к Реми и Ирам, другой же рукой пытаясь на всякий случай расстегнуть кобуру, чтобы освободить доступ к кобуре с «александром».

Из переулка тем временем на большой скорости подъехали два могучих джипа и, чуть слышно скрипнув тормозами, резко остановились прямо напротив Йона. Раскрылись дверцы. Коротко стриженные, быкоподобные здоровяки в одинаковых серых комбинезонах без знаков различия целенаправленно устремились к Йону.

Испуганно вскрикнула Дойт. Ирам напряженным голосом произнесла сокращение, с которым Йон мысленно согласился, глядя на шагающих к нему «быков» в сером:

– МИБ!

На крыльце появились и стали стремительно спускаться по ступенькам несколько мужчин, одним из которых явно был новый временный министр космического флота Телемской автономии Роби Кригер. Йон перевел глаза на бритого хлыща в черном: тот быстрым движением повернулся к подъезду, к Йону, к «быкам» в сером.

Крепкие руки с толстыми пальцами схватили Йона за правое предплечье, не давая ему возможности достать оружие. Еще один комплект толстых пальцев продемонстрировал ему характерную красную карточку, и характерный властный голос произнес:

– Министерство Имперской Безопасности. Господин Лорд? Вы и ваш экипаж задержаны, пройдите с нами.

Мгновенная пауза. И тут сквозь налетающий с площади бас сибирского оратора бритоголовый хлыщ в черных очках заорал на линке:

– Патриоты! Службисты берут наших!!!

С ревом, свистом и улюлюканьем сотни людей с площади обернулись к служебному подъезду.

Рванулись с двух сторон телемские полицейские, исполненные ненависти к «имперским сатрапам».

Застыл на крыльце у своей машины, вглядываясь, министр Кригер.

Реми решительно отбил руку с толстыми пальцами, попытавшуюся ухватить его за рукав. Свободные от удержания Йона «быки» одновременным движением выхватили пистолеты, но тут от джипов послышался начальственный голос:

– Ладно, одного хватит!

Двое «быков» отчаянным рывком буквально пронесли Йона по воздуху и втокнули в джип. Остальные, не опуская оружия, моментально отступили и расселись по машинам. Хлопнули дверцы. Взревели два мощных мотора. Задним ходом, развернувшись почти на месте, джипы умчались в переулок. На площади замолк оратор, тысячи людей с гулом поворачивались к левому углу здания штаба.

С крыльца отчетливо прозвучал голос Роби Кригера по прозвищу Реостат:

– Телемиты, на провокации не поддаваться! Полиция, чего стоите? За ними, посмотрите, куда парня повезли!

Однако первыми среагировали не полицейские, а – почти одновременно – Ирам и тот самый хлыщ в черных очках, который неожиданным возгласом спас от ареста весь экипаж «Лося» (правда, кроме Йона). Ирам повернулась к хлыщу и быстро сказала:

– У вас машина. Поедем за ними.

Бритый бросил из-под очков быстрый и, кажется, какой-то отчаянный взгляд на Кригера – кажется, Кригер был ему позарез нужен – и тут же решился:

– Хорошо. Барышня – в машину. Остальные – ждите здесь. Миша, – бросил он своему бородатому спутнику, – останься. Головой мне за них отвечаешь! – крикнул он уже из «роллса», щелкнули две дверцы, и лимузин, визжа покрышками, мгновенно развернулся и умчался в переулок.

Затем, одна за другой, в переулок укатили две машины с наконец-то среагировавшими полицейскими. Следом – длинный мощный «ровер» охраны Кригера и два черных «ниппера», в одном из которых ехал министр.

Клю звенящим голосом протянула:

– Опять его у нас отобрали. Ой!

– Silence! – одернул ее Реми. – Tranquilman, Clu!

– Да вы не волнуйтесь так, – мягким интеллигентным голосом заговорил бородатый гигант. Голос до такой степени не вязался с его звероподобной внешностью, что весь экипаж уставился на него круглыми глазами. – Не волнуйтесь! У Кима отличная машина, машину ведет отличная специалистка, они их живо догонят и проследят.

– Ну да, а Йона тем временем убьют в застенках, – голосом, в котором слышались уже настоящие слезы, сказала Клю.

– Mon Dieu, – досадливо сказал ей Реми на франсэ-эспасьяль, – de patience! Je n'avai rien pensee que tu es une alarmiste commsa!

– Je l'aime, peu-tu comprend le choss commsa! – отгрызулась полусшепотом Клю – впрочем, уже гораздо спокойнее: Реми и правда всегда помогал ей набраться терпения.

– У нас тоже есть машина, – сказала Дойт волосатому гиганту. – Здесь, возле Конкорью, в паркинге, микроавтобус.

Пару секунд бородач смотрел на нее, соображая, потом медленно кивнул:

– Да, это хорошо. Жетончик у вас?

– У нас, – ответила Дойт, показав на Эвиса.

– Миша, – назвал себя гигант и быстро, неожиданно ловко поклонился.

– Дойт, – ответила Девушка. Миша вопросительно взглянул на остальных.

– Эвис, сын Пеннеги, – быстро сказал хелианин.

– Клю, – неохотно проговорила Клю. – А что...

– Реми, – нетерпеливо перебил ее брат. – Миша, мы ведь тут должны были найти одного человека... даже двух...

– Какое совпадение, – усмехнулся бородач. – Ким тоже ехал, чтобы найти двух человек. Нет, ребята, сейчас не выйдет: без министра Кригера нас внутрь не пустят, а он уехал.

– Нам внутрь уже не нужно, – вдруг заявил Реми, вытянув шею и глядя на служебный подъезд. – Клю, гляди!

– Ёсио! – обрадованно воскликнула Клю.

Реми тут же, не сказав больше ни слова, бросился к подъезду, метнулся среди стоящих машин и пронзительно засвистел. Ёсио – а этот бритоголовый азиат в синей джинсовой куртке и белых джинсах, безусловно, был Сакамото Ёсио – неожиданно лихо свистнул в ответ и между полицейскими протиснулся навстречу Реми.

Словно два воина, прорубившихся друг к другу среди битвы, Реми и Ёсио остановились в шаге друг от друга. Непроницаемое обычно, лицо юного монаха расплылось в улыбке. Реми глубоко вздохнул и сказал:

– Ну слава небесам, хоть тебя мы отыскали!

Они шагнули друг к другу и крепко обнялись. Потом повернулись и зашагали к остальным.

– Ты отлично выглядишь, – искоса взглянув на Реми, заметил Ёсио. – Куртка с Хелатуа? Тебе идет.

Реми даже засмеялся.

– И ты неплохо выглядишь. Откуда такие крутые джинсы?

– Потом расскажу, – улыбнулся Ёсио, и тут подбежала Клю и от радости поцеловала Ёсио в щеку. Монах неожиданно покраснел.

– Это Ёсио, – объявил Реми остальным.

– А где Йон? – удивился монах.

– Его две минуты назад арестовало МИБ, – сердито объявила Клю. Ёсио прикрыл глаза и покачал головой:

– О три драгоценности! Это нехорошо.

– Нехорошо? Мягко сказано! – фыркнула Клю. – А где же Легин?

– Да, где Легин Таук? – неожиданно спросил Миша.

Ёсио обернулся к бородачу и несколько секунд смотрел в его маленькие прозрачные голубые глазки.

– Вы не враг, – удовлетворенно проговорил он наконец.

Миша слегка поклонился:

– Спасибо. И все-таки – где Легин Таук?

Лицо Сакамото разгладилось. Насколько Реми успел понять монаха, таким способом Ёсио смирал чересчур сильные эмоции.

– Видите ли, – вежливо сказал Ёсио, – буквально три часа назад капитана Таука тоже арестовало Министерство Имперской безопасности.

Все переглянулись. Миша вполголоса произнес на незнакомом языке несколько чрезвычайно экспрессивных слов. Клю горестно хлопнула себя по бедрам:

– Его? Арестовали? Он же супермен. Как?!

– Мы ехали в метро, – объяснил Ёсио. – Он обнаружил слежку. Мы пытались оторваться, переходили с линии на линию. Но у них, видимо, был пеленг или наводка на Легина. Он так и сказал мне: невероятно, но они идут по пеленгу его браслета-регистра. Велел мне уходить и ехать сюда. Я отказался. Мы вышли на станции «Авеню Бертрана VIII». И вдруг Легин сказал мне: ну все, сейчас нас будут брать. Бегом к Кригеру, я задержу их. Я опять отказался. И тут со всех сторон появились агенты. Легин не мог стрелять – кругом были люди. К моему удивлению, мной никто не интересовался. Меня просто отпихнули в сторону, как ребенка. Я пытался сопротивляться, рвался защитить Легина, но куда там – в МИБ служат профессионалы. Меня оттеснили, а Легина окружили и вывели на улицу. Насколько я понял, он пытался применить какие-то психократические приемы, но им поддались только побочные персонажи; агенты, блокировавшие его, либо были сами сильными психократами, либо находились под воздействием сильного психоблокиратора, типа ренцивезина или альфастопана. Их было человек десять, но, я думаю, если бы я вовремя ушел и Легин не беспокоился за мою безопасность, он все-таки сумел бы отбиться...

Все помолчали.

– Я приехал сюда, – продолжал Ёсио. – Мистер Кригер отправился в МИБ разбираться, а мне велел ехать в учебный центр телемского космофлота, где он нас разместил. Поручил сидеть и ждать информации. Ехать велел на такси, рассказал, как взять гарантированно чистую машину... Я вышел и увидел Реми.

Реми положил Ёсио руку на плечо.

– Только давай, не вини опять себя, – полушутливо сказал он.

Ёсио улыбнулся.

– Я стараюсь.

У бородача Миши в кармане вдруг закурьликало, он вынул мультиком и заговорил:

– Да, Ким. Да! Мы встретили здесь Сакамото Ёсио. Таук арестован МИБ на метро «Берти-восьмого» три часа назад. Где? Понял. Я знаю место. Мы сами приедем, встанем у «Пиццы-Экспресс», у ребят микроавтобус. *Ahadavai*, – добавил он на незнакомом языке, убрал телефон и повернулся к остальным. – Все, поехали. Ким и ваша барышня их проследили. Йона Лорда повезли в центральное управление МИБ по Телему. Прямо в Красный Дом. Эвис, давайте жетон, я поведу. В каком паркинге у вас машина?

Всего в полукилометре от вице-президентского дворца в Лиссе высится Клык Телема – самое древнее сооружение в городе, двухсотметровый черный обелиск-монолит. Это – все что осталось от «Антея», последнего транспорта переселенцев, пришедшего на Зеленый Мир перед самой Телемской войной.

Как обычно это бывало с переселенческими транспортами, его быстро разобрали, и почти весь он пошел в переплавку; только «хребет» корабля, вот этот самый исполинский клык из неплавкой титанокерамики, еще высился над далекой окраиной крохотного городка под названием Лисс. Затем началась война, после которой Лисс надо было отстраивать заново. А вот Клык, который бомбардировки пощадили – возможно, потому, что до последнего дня недолгой бессмысленной бойни имперские пилоты использовали его как отметку для наведения на цель – решили оставить. Как символ. Так он и высится теперь над центром мегаполиса. Вокруг на несколько миль нет более высоких строений, и видно Клык отовсюду.

Столетиями люди показывают на него, если хотят безмолвно укорить собеседника за неосторожные слова. Жест этот означает что-то вроде «Большой брат слышит тебя».

Дело в том, что сразу за Клыком, примерно в полукилометре вниз от дворца по реке Лисс, находится скромное семиэтажное здание Управления МИБ по Телему. Здание, в плане представляющее собой квадрат со стороной в сто семьдесят метров, заполняет низину между двумя холмами – Старым, на вершине которого стоит Клык, и Оружейным. В древнем, довоенном Лиссе на Оружейном холме находились оружейные мастерские, а впоследствии, около четырехсот лет назад, был выстроен любимый десятками поколений маленьких лиссеров универмаг Kidz World.

Только с противоположной стороны реки, из Саутсайда, да еще с небольшого участка набережной Лаккерстоун-Хиллс видно, что здание МИБ на самом деле вовсе не семиэтажное. Низина меж холмов заполнена им сплошь, со стороны реки там двадцать два этажа. А некоторые люди – кто по собственному печальному опыту, кто по слухам, кто (это уже в последние годы) из невнятных намеков прессы, – знают, что во внутреннем дворе здания (за тускло-багровый цвет стен в городе его зовут Красным Домом) видны тридцать два этажа, уходящих вглубь, а на самом дне – прогулочный дворик на крыше следственного изолятора, занимающего еще девять подземных этажей. Доподлинно известно, что самый нижний этаж здания находится всего несколькими метрами выше Центрального тоннеля Нижнего Яруса, который связывает южный и северный берега Лисса. Легенды гласят, что из нижних камер следственного изолятора по ночам можно услышать, как по тоннелю идут машины. Очень, кстати, немногие люди слышали в ночной тишине этот шум и могли потом об этом рассказать. Те сорок несчастных, что в последний раз увидели небо из колодца прогулочного дворика Красного Дома, провели последние ночи своей жизни, слушая этот загробный гул.

Больше всего удивило Йона, что допроса, как такового, не было. Был анализ крови на ген-код, установление личности: Йон признал, что он – Йонас Виллем Лорд, двадцати шести лет, подданный Имперской метрополии, свободный журналист, холостой, католик. От него потребовали кода доступа на «Лось» – он только хмыкнул. Начал требовать адвоката, что вызвало дружный смех присутствовавших (а присутствовало пять офицеров, мордоворотов почище тех, что брали его на улице). Порадовался про себя, что основную часть наличных денег и все документы – кроме новенькой корабельной карточки – оставил на корабле. Потребовал полагающегося по закону звонка – но внезапно получил офицерским стеком по коленям (больно). Все это снимали профессиональной камерой при ярком свете. Затем его вывели в коридор, затолкали в лифт, спустили на много этажей вниз и заперли в камере. Отобрали ремень, но оставили радиобраслет: сам он снять его отказался, а руку рубить ему не стали, хоть и грозились. Впрочем, на браслет наклеили какую-то моментально ссохшуюся прозрачную пленку, так что пользоваться им стало нельзя: цифры часов виднелись, а вот вызвать остальные функции было невозможно.

В камере, как, впрочем, и полагается, были только унитаз и узкая откидная полка без всякой постели. Йон демонстративно на нее улегся: начитался детективов, думал, что придет охранник, запретит лежать, и можно будет еще пошуметь, поскандальить, не дать про себя забыть. Не вышло. Его вызывающее поведение никого не интересовало. Так и пролежал весь остаток дня, то ругаясь в голос на всех знакомых языках, то выкрикивая слова боевых революционных гимнов (даже тех, из которых знал две-три строчки), то просто колотил каблуками в дверь. Потом устал и притих. Когда дисплей браслета сквозь ссохшуюся пленку показал девять вечера, дверь лязгнула, вошел здоровенный краснолицый капрал и сунул Йону миску какой-то похлебки – довольно съедобной, но жидкой. Йон мгновенно ее съел и агрессивно потребовал еще. Капрал вышел и через минуту принес еще миску. Йон съел и потребовал адвоката, звонок, следователя и соблюдения своих прав имперского подданного. Капрал выслушал его, дал кусок хлеба граммов в двести, мягкую пластиковую посудинку с одним литром воды и молча ушел. Йон еще постучал ногами в дверь, потом еще спел. Революционные гимны в его репертуаре закончились, так что пел он «Gaudeamus» и блюз «Stormy Monday», потом глотнул воды и притих окончательно.

В тишине он отчетливо услышал, как где-то под ним едут машины. Он слышал, как в их гудении зарождалась – где-то далеко справа – басовая нота более крупного двигателя, проходила под ним и уходила налево. Даже различил один раз автобусный гудок. Тогда он понял, что находится на нижнем уровне «Красного дома», что выхода отсюда нет и что он пропал. Йон с досадой выругался на линке – так получалось свирепее всего – отвернулся к стене и приказал себе не думать о Клю и заснуть.

Через полчаса у него это получилось.

* * *

– Почему ты не хочешь рассказать это всем? – с некоторой обидой, хотя внешне и спокойно, спросил Реми.

Была половина десятого вечера, над Лиссом сгущались сумерки. Микроавтобус был припаркован на набережной Лаккерстоун-хиллс в цепи машин напротив череды дорогих ночных ресторанов, где жизнь только начиналась. Лиссеры – народ еще более склонный к развлечениям, чем портмены. К ресторанам – пешком, на автобусах, минивэнах, автомобилях – подкатывали разнообразные пестрые (не то слово!) компании. Часть из них не торопилась в уютное тепло изысканных заведений, а продолжала с хохотом и галдежом толпиться вокруг своих машин. Никто не обращал внимания на красный микроавтобус, в котором внутри тоже сидела какая-то компания. Никто не оказался настолько внимателен, чтобы заметить, как напряжены и озабочены люди там, внутри.

– Пойми, Реми, – спокойно, с глубокой убежденностью ответил монах Сакамото Ёсио. – Поймите меня, уважаемые друзья. Миша и Ким не говорят нам, кто они, но они хотят защитить, выручить Йона и Легина. Поверьте мне, я знаю множество способов проверки людей. Это очень разные способы, но все они очень действенные. Все это время – пока мы ехали к Красному Дому, пока мы ждали, пока мы совещались, пока мы ели, пока мы опять совещались – я применял все, поверьте мне – все! – доступные мне способы проверить этих двух людей. Я не могу сказать, кто они такие, но они – не враги. Они – друзья, они – на одной стороне с нами. Причем, совершенно не желая умалить достоинств нашего нового друга Миши, я чувствую – ощущаю, понимаю, знаю! – что особенно важно для нас присутствие Кима. Я ощущаю в нем силы, которых не понимаю, и именно поэтому считаю, что та информация, которой я еще располагаю и которой пока не поделился ни со своими уважаемыми друзьями и соседями по Акаи, ни с новыми их спутниками, ни с Мишей – я считаю, что эта информация очень важна именно для Кима, и от того, дам я эту информацию

именно ему или не дам, зависит слишком многое в нашем общем будущем. Вот все, что я могу сказать. Прошу не обижаться на меня и разрешить нам с Кимом выйти из машины и побеседовать наедине.

Все некоторое время помолчали. Ким смотрел на свои руки. Ему не хотелось никаким образом воздействовать ни на кого из них. Миша, хмурясь, играл мультикомом, который в его здоровенных лапах выглядел игрушкой. Наконец с заднего сиденья раздался голос Эвиса:

– Мне кажется, что высокоученый монах прав. Я не владею теми силами, о которых он говорил, но мне кажется, что будет лучше, если они с человеком по имени Ким побеседуют снаружи.

– Да, ладно, – кусая губы, сказал Реми. – Я не понимаю, что движет тобой, Ёсио, но ты скорее всего, прав. Что ты думаешь? – спросил он Клю.

– Пусть выйдут и поговорят, – устало кивнула Клю. – Я верю Ёсио. Да и Киму я верю. Наверное, им виднее. Пусть.

Ким поднял голову и посмотрел на остальных, тщательно воздерживаясь от какого бы то ни было воздействия. Ирам кивнула Реми, кивнула Ёсио, кивнула ему, Киму. Уставшая Дойт, положив голову на плечо Эвиса, сказала только:

– Я тоже им верю.

Ким перевел глаза на Ёсио.

– Идем, почтенный монах.

Не поднимая глаз, Миша быстро сказал на незнакомом языке:

– *Palkovnick, ya nadeyuss ty p'nimaesh 'shto delayesh.*

– *Kaneshna*, – ответил ему Ким и, неловко согнувшись, открыл дверцу и выпрыгнул на гранитные плиты тротуара набережной.

Вечером у реки было прохладно. Поднялся ветер, небо затянуло тучами. От воды веяло странным торфяным запахом, которого телемиты не ощущают вовсе, но который землянину навевает какие-то лесные ассоциации. Река Лисс вот уже триста лет, после принятия на автономии жесткого Закона о Природе, была кристально чиста от промышленных загрязнений, но обильно несла ил и почву лежащих выше по течению плодородных плоскогорий Северной Тоскалузы. В бурых водах Лисса празднично дробились огни Саутсайда.

Перегнувшись через гранитный парапет, Ёсио взглянул на быстро катящиеся мимо потоки речной воды. Справа доносился гомон какой-то развеселой компании, фотографировавшейся на фоне реки.

Ким встал рядом. Ёсио глянул на него искоса. На спокойном, чуть сонном лице их нового знакомца была написана усталость. Ким провел рукой по лысому черепу и подбодрил монаха:

– *Кё ва нанто самуй отэнки дэсё...*

Ёсио поднял брови, но тут же притушил гримасу удивления, смирив эмоции, и ответил:

– *Кумо-га ой уэ-ни кадзэ-га фуйтэ иру.*

Ким покивал. Ёсио вежливо заметил:

– *Аната ва нихондзин-га ханас ёни дзёдзуни нихонго-о ханасьмас.*

Нахмурившись, Ким перешел на линк.

– Давайте закончим с комплиментами и перейдем к делу, как бы невежливо это ни звучало. Что вы хотели мне сообщить?

Ёсио взглянул ему прямо в лицо. Ким почему-то избегал смотреть ему в глаза, но Ёсио был даже рад этому: прямой взгляд Кима вызывал какое-то давящее, малоприятное чувство. Видимо, Ким это знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.